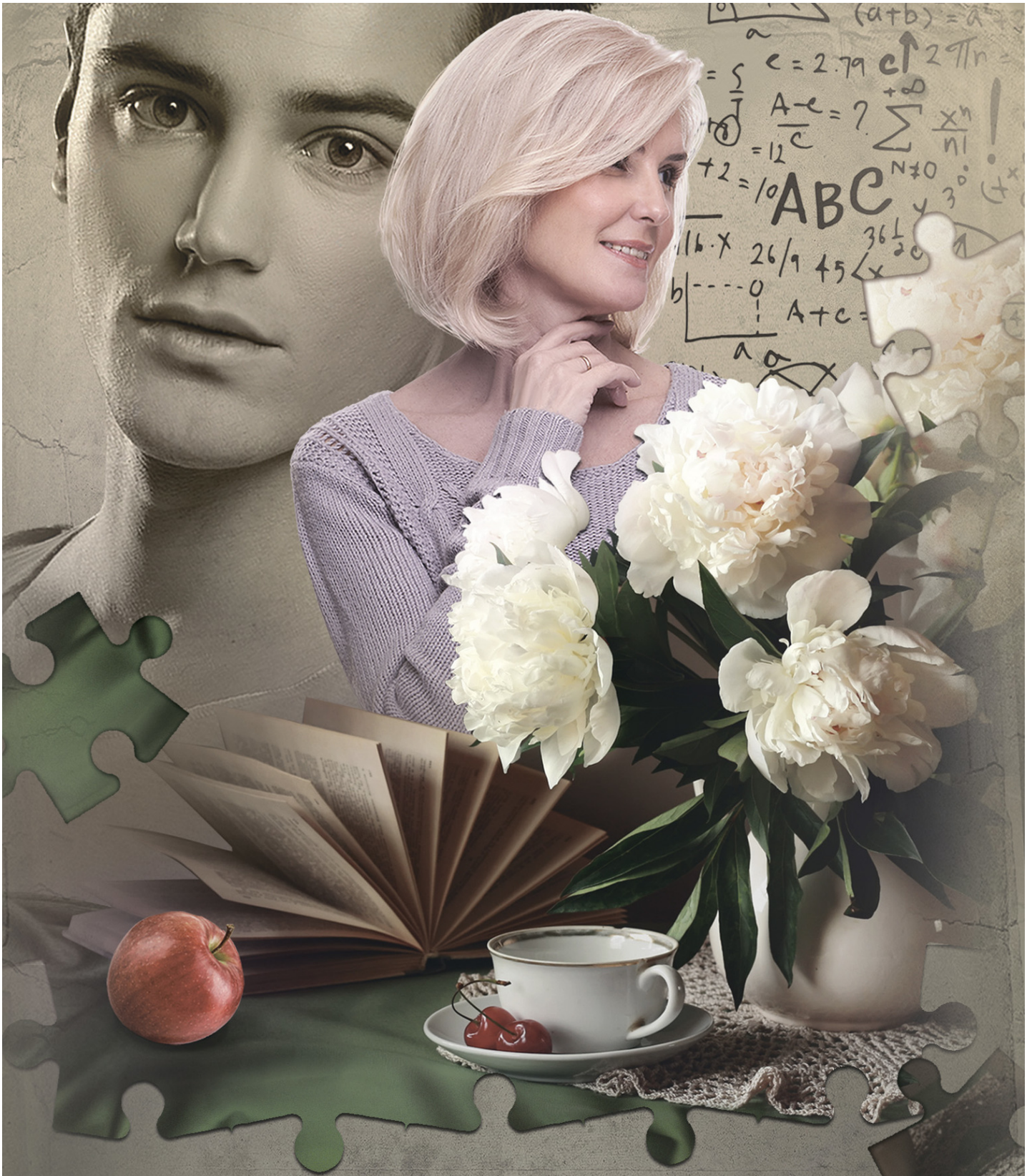

НАТАЛЬЯ

НЕСТЕРОВА

Дом учителя

У мужчин всегда найдется время, чтобы добиться того, чего они хотят

Пазлы. Истории Натальи Нестеровой

Наталья Нестерова

Дом учителя

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Дом учителя / Н. Нестерова — «Издательство АСТ», 2019 — (Пазлы. Истории Натальи Нестеровой)

ISBN 978-5-17-116950-3

Как ни горько это признавать, но многие женщины, чьи дети покидают отчий дом, теряют почву под ногами. Куда теперь себя девать? Готовить завтраки, собирать в школу, стирать и чинить рваные джинсы, мазать зеленкой разбитые коленки, проверять уроки и ходить на классные собрания больше не нужно. Ну, а что тогда делать? «Судьба человека есть его характер», – много веков назад утверждал философ Гераклит. И Анна Аркадьевна, главная героиня романа, всю жизнь полагавшаяся только на себя, решила начать новую жизнь. Но это оказалось не так-то просто, как она думала…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116950-3

© Нестерова Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Кисловодск 6
1 6
2 16
3 25
4 33
5 41
6 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Наталья Нестерова
Дом учителя

© Н. Нестерова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Кисловодск

1

Ольга, соседка Анны Аркадьевны, была из тех активных женщин, которые знают все: как приучить котенка к лотку, солить огурцы, ухаживать за лежачими больными, выращивать рассаду капризных многолетников, выводить пятна на одежде, менять колесо автомобиля и прокладку в кране. Незаменимая в трудную минуту, Ольга была утомительна в мирное время, когда занималась вашими, то есть обнаруженными Ольгой, проблемами с энергией и упорством трудолюбивого дятла. Она решила, что вялотекущий гастрит Анны Аркадьевны и больная спина нуждаются в лечении в Кисловодске, когда-то знаменитой всесоюзной здравнице. Нынче знаменитости поубавилось, но нарзан-то не иссяк и врачи не вымерли. Наибольшее удовольствие Ольга получала от сводническихмероприятий, стреляя сразу по двум зайцам, то есть осчастливливая сразу нескольких людей. В Кисловодске, *ей рассказывала одна очень хорошая женщина, познакомились в обувной мастерской*, есть другая очень хорошая женщина, которая работает в санатории, ее сын сделал пристроечку, и хорошая кисловодская женщина сдала бы ее приличной, опять-таки хорошей женщине. Звезды сошлись: у Анны Аркадьевны гастрит, а в Кисловодске пристроечка.

Ольга всерьез считала Анну Аркадьевну посланницей небес и помнила дату их знакомства – 13 ноября 1996 года. Бог долго не слышал молитв Ольги и слал ей одно испытание за другим, горе за несчастьем. Умерла мама, бросил муж, на рынке, где она торговала привезенными челночницами из Польши вещами, бандиты сожгли контейнер, Ольга оказалась должна громадную сумму. Вдобавок измотал нервы единственный сын Петька, которому учителя пророчили школу для умственно отсталых и колонию для малолетних преступников. Господь смилостивился и послал Ольге Анну Аркадьевну, явление которой стало поворотом жизни к лучшему.

Лифт не работал, Анна Аркадьевна поднималась по ступенькам, вела из детского сада дочь Любаню. На площадке второго этажа невысокая полная женщина лупила шваброй мальчишку лет двенадцати-тринадцати. Дверь в квартиру была распахнута. Экзекуция, вероятно, началась еще внутри, пацаненку удалось выскользнуть, но теперь мать умело отрезала пути бегства по лестницам вверх и вниз. Она размахивала шваброй, он уворачивался, совершая обманные движения как в футболе или баскетболе. Все это и напоминало бы игру разъяренной пингвинихи с палкой и юркого волчонка, если бы не проклятия, которыми сыпала женщина.

– Прекратите немедленно! – Анна Аркадьевна прислонила дочь к стенке, схватила женщину за руку, вклинилась между матерью и сыном.

Мальчишка воспользовался моментом и рванул вниз по лестнице.

– Он сволочь! – разорялась соседка. – Все знают! Дебил, би-бицил!

– Кто-кто? – не поняла Анна Аркадьевна.

– Би-би в голове, – покрутила у виска женщина. – Удавить мало, сил нет, опять из школы выгоняют. Даун проклятый!

– Он точно не даун, – покачала головой Анна Аркадьевна, – да и на имбецила мало похож. Пусть придет ко мне сегодня вечером. Двадцать пятая квартира, в семь часов, без опозданий.

– Вы что, учительница?

– Берите выше, без пяти минут кандидат педагогических наук.

– У Ёни тоже би-би в голове? – спросила дома Любаня. – Би-би – это как опилки у Винни-Пуха, – заключила она, не дождавшись ответа мамы, и запела песенку из любимого мультфильма.

Любаня обожала старшего брата Лёню. Он был на шесть лет старше и обнимания-приставания *мелкой* долго не выносил. За пренебрежение ее чувствами Любаня кусала брата. Он вопил, она с радостью пускалась в слезы. Простая дружная семья.

Анна Аркадьевна занималась с Петькой два месяца. Он подтянул знания до твердой тройки и научился худо-бедно сдерживать свою буйную энергию.

Ольге Анна Аркадьевна сказала:

– Никогда не смейте называть Петю дауном, придурком или недоноском! Никогда! И другим не позволяйте. Если учитель снова попробует обозвать его тупицей, сразу пишите жалобу. Ко мне придите, я помогу составить письмо в РОНО. И еще, – добавила она тихо, – строго между нами. Если Петя расквасит кому-нибудь нос за то, что его дразнили, вы сына поругайте, конечно, но так, чтобы было понятно, что в принципе он прав, хотя метод аргументации у него не самый культурный. Он сложный мальчик, что почти равно «необычный, редкий». В другие времена из него бы вышел отличный купец, предприниматель авантюрного склада. Хотя сейчас, кажется, наступают именно другие времена.

Так и случилось. После школы в рыночную экономику Петя вплыл как подросший малек в богатое планктоном море. Начинал с того, что развозил на ржавом «жигуленке» мороженую рыбу по рынкам, а теперь владеет продуктовыми складами и холодильными установками.

Ольга провела агитационную работу среди родных Анны Аркадьевны. Муж и дети поддались легко, не иначе, чтобы избавиться от долгих телефонных разговоров и личных бесед с Ольгой. *Непременно поезжай!* – выступили они единым фронтом. «Запустите спину, – пугала Ольга, – превратитесь в бесхребетное существо!»

Когда Ольга нервничала, уговаривая кого-нибудь на правильную, только ей понятно, почему правильную жизнь, она говорила быстро, торопливо, и у нее проскальзывали, безо всякого желания пошутить, забавные словечки. Анне Аркадьевне это казалось трогательным, сама она никогда не могла придумать слово, построенное по всем законам русского языка, но несуществующее. И считала, что этой милой способностью обладают лишь маленькие дети (трехлетняя дочь Любаня когда-то вертелась перед зеркалом: «Мама, я *красавлюсь*!»)

Про пробки на дорогах Ольга могла сказать, что все улицы *замашинило*. Про девочку за стеной, которая училась играть на фортепиано, что та день и ночь *пианинит*. Отыскивая в сумке бумажные носовые платки, бормотала: «Где ж мои *сопливки*?»

Анна Аркадьевна решительно не желала покупать путевку и ехать в санаторий. Она терпеть не могла коллективного сосуществования. Студенткой Анна Аркадьевна жила в общежитии, вышла замуж за военного и многие годы, переезжая из одного военного гарнизона в другой, они меняли семейные общежития на съемные квартиры. Свою первую квартиру, трехкомнатную, на московской окраине, получили, когда Илью, мужа, после окончания московской академии оставили на преподавательской работе. Дочери Любане было четыре года, сыну Лёне – десять лет. Он навсегда запомнил, как мама пела, кружилась, танцевала, перемещаясь из комнаты в комнату, из кухни в коридор, огибая узлы, коробки и скудную мебель. Мама была счастлива, хотя ему и на съемных квартирах жилось неплохо, а в новой школе еще придется доказывать, что ты не верблюд.

Ольге редко удавалось быть полезной Анне Аркадьевне, которая хорошо поставленным учительским голосом умела пресечь попытки облагодетельствовать ее семью или завалить подарками. Но тут Ольга почувствовала слабинку Анны Аркадьевны, укрепила тыл (родные Анны Аркадьевны) и ринулась осуществлять свой план.

– Частный дом, – рассказывала Ольга. – Санаторий, продающий курсовки, в двух автобусных остановках или пешком по красивой дороге. Хозяйка очень аккуратная и добрая женщина, работает в том самом санатории нянечкой. Теперь по-другому называется: уборщица или техничка, но *няня* – нежнее. Она никогда не сдавала комнат курортникам, но тут *вернулся сын из армии с отдельным входом и санузлом со всеми удобствами*.

Анна Аркадьевна недоуменно уставилась на Ольгу, не в силах расшифровать последнюю информацию. Оказалось, Ольга пропустила «лишнее» уточнение, что сын сделал пристроечку к дому.

– У них сад – персики, абрикосы, виноград, – уговаривала Ольга.

– В конце октября? – спросила Анна Аркадьевна.

– Вы позвоните ей! – напирала Ольга.

– Хорошо, оставьте телефон.

– Прямо сейчас! С женщиной ведь договорились, она ждет, *нервуется*!

Последнее слово, очевидно, означало «нервничает и волнуется».

Анна Аркадьевна сдалась и набрала номер. Поздоровалась, представилась, спросила, могут ли сдать ей пристроечку и на каких условиях.

– Ой, это вы! – ответила Татьяна Петровна, так звали хозяйку. – Ой, не знаю, понравится ли вам. У нас все скромно, но все новое, вот сегодня постельное белье купила и полотенца.

«Точно, *нервуется*, – подумала Анна Аркадьевна. – Приятный голос. “Ой!” выдает человека тревожного, но совестливого. Что не исключает болтливости, не замучила бы меня разговорами. Лучше сразу предупредить, что я человек занятой».

– Есть ли в жилище, которое вы сдаете, письменный стол? – спросила Анна Аркадьевна. – Я планирую не только лечиться, но и работать над научной статьей.

– Имеется. На четырех ножках, но без тумб, извините. Еще шкаф двустворчатый, тахта, зеркало, коврик на полу, вешалка для верхней одежды и… и все.

Татьяна Петровна говорила, затихая, и последние слова произнесла едва ли не шепотом, явно ожидая отказа.

– Замечательно! – похвалила Анна Аркадьевна. – Какова же цена?

– Ой, не знаю! Восемьсот рублей в сутки… не дорого?

– Совсем не дорого.

– А если с питанием, – осмелела Татьяна Петровна, – то тысячу. Ой!

– Договорились! Когда куплю билет, я вам позвоню. Всего доброго, Татьяна Петровна!

Ольга сияла от удовольствия.

– Как вам хозяйка? – Ольге не хотелось уходить.

– По-моему, очень милая и приятная женщина. Я вам благодарна и признательна, Оля.

– Говорят, ей что министр, что кочегар одинаково.

– В каком смысле?

– Перед министром стелятся, заискивают, а с кочегаром не церемонятся. Другие люди, не Татьяна Петровна. Мне пора?

– Еще раз большое спасибо!

Муж настоял, чтобы Анна Аркадьевна купила билет в вагон люкс:

– Ведь сутки ехать, а ты не любишь разговорчивых попутчиков.

– Вас послушать, так я к старости превратилась в мизантропическую грымзу.

– Кого *нас*?

– Интересненько! Ты не стал оспаривать, что я грымза, а уточняешь, кто еще разделяет твое мнение.

Анна Аркадьевна скорчила обиженную мину, Илья Ильич закатил глаза в притворной досаде, мол, как мне надоели твои капризы. Они прожили вместе тридцать четыре года и

понимали друг друга, едва переглянувшись, вскинув бровь или дернув уголком рта, отпустив словечко или фразу, точный смысл которых не имел отношения к ситуации, но был цитатой, воспоминанием того сходного, что произошло когда-то давно. Дети знали этот язык и догадывались, что мама часто шутит не когда ей весело, а когда папе грустно, что их обмен упреками может быть дурашливой игрой, а вежливый корректный разговор – настоящей ссорой.

Муж не любил с ней расставаться. Его миропорядок прочен и надежен, только если Аня рядом. Чуть поколеблен, когда жена в Москве, а он на даче. Это привычное и потому допустимое отклонение от нормы. Как сбой графика движения поездов в метро – надо чуть подождать, и поезда снова и обязательно побегут в четком ритме. Они никогда не отдыхали раздельно, поэтому со стороны мужа подвиг и жертва отправить ее на курорт.

Илья Ильич вернул глаза в нормальное положение:

– В Кисловодске веди себя хорошо! Не пей, не кури, не связывайся с дурной компанией…

– Переходи улицу на зеленый свет. В кои веки мне выпала возможность пуститься во все тяжкие, а я буду вести себя как послушница, готовящаяся к постригу? Дудки!

Подтекст этого диалога был полностью противоположен смыслу произнесенных слов.

– Мне будет плохо без тебя, я буду скучать. – Потерпи, родной, это всего пара недель.

Анна Аркадьевна продолжила нормальным, неигровым тоном:

– Купе люкс – это роскошно, спасибо! И не забудь, пожалуйста, посетить *застенки гестапо*.

Два года назад Илья Ильич выбил передний зуб. При загадочных обстоятельствах. Анна Аркадьевна пришла домой и обнаружила супруга краше не бывает: губы вспухшие, разбитые, пол-лица – синяк.

– Илья, что случилось? – испугалась она.

– Защищал девушку от хулиганов, – невнятно прошамкал муж.

– Ты был в форме?

Первый вопрос, который вырывается у жен военных, полицейских и прочих людей в погонах. Просто нетрезвый, качающийся мужик на улице, заснувший в транспорте или (в старое время) попавший в вытрезвитель, и он же в форме – два разных человека. Немолодой мужчина, то есть Илья, в *гражданке*, дерущийся с хулиганами, – это совсем не то, что седой лысоватый полковник, которому разукрашивают физиономию.

– Я был в хорошей физической форме. Аня! – протянул он жалобно. – Очень болит! Сделай компрессик что ли? У меня один зуб выбился, а второй шатается.

Любаня, пришедшая через некоторое время, обнаружила папу с пакетом льда на лице, а под пакетом…

– Мама! Что с папой? – примчалась она на кухню.

– Ты его спрашивала? Как ответил?

– Сказал, не волнуйся, просто бандитская пуля.

– Версия номер два. Ты у нас доктор, вот и лечи отца. Может, лед запоздал и нужен согревающий водочный компресс?

– Папа потребует его вовнутрь.

– Если ты будешь исполнять прихоти вздорных пациентов, из тебя не выйдет хороший врач.

Последним явился домой Лёня. Ситуация повторилась.

– Мама, что с папой?

– А что он тебе сказал?

– Желает записаться в общество возрождения русского хоккея. Вступительный взнос – передний зуб. Косят под Овечкина.

– Когда твой папа путается в шутливых версиях, ему очень больно и плохо. Его как-то свалил жестокий грипп, температура под сорок. Он мне рассказывал, что искупался в проруби и уговаривал позвать друзей, чтобы его снова погрузили в ледяную воду. Ближайший водоем и возможная прорубь были в ста километрах от военного городка.

Анна Аркадьевна потом, конечно, выяснила при каких обстоятельствах муж травмировался. Ничего героического: закончил лекцию, сходил с кафедры, оступился, падая, лицом врезался в обшитую металлической планкой ступеньку подиума. Слушатели помогли ему добраться до медпункта, где была оказана первая помощь – ватный тампон на ранку, крепко зажать. Вылетевший и выплюнутый зуб, который слушатели так же заботливо принесли, фельдшер вставлять отказался, не его специализация. Предложил немедленно ехать в стоматологическую клинику. Илья Ильич немедленно рванул домой на такси.

Через некоторое время оказалось, что дырка в верхней челюсти, заметная при разговоре и особенно когда он улыбался, Илье Ильичу нисколько не мешает.

Он был упрям, но не линейно, а пунктирно: по отдельным точкам, которые были *причудами*, так их называла Анна Аркадьевна в добром расположении духа, или *глупыми бзиками* – устав внушать мужу очевидное. Это касалось и политики, и быта. Анне Аркадьевне, понятно, больше досаждало его бытовое упрямство. Ранней весной и поздней осенью на даче, когда холодало, Илья Ильич надевал любимые старый затрапезный ватник и шапку-ушанку, которая напоминала предмет, вытащенный из прошлогоднего сорочьего гнезда. Не желал слушать, что походит на бомжа, говорил, пусть Аня только посмеет это выбросить, тогда он за себя не отвечает. Ничего бы он не сделал, попыхлел-попыхтел, да и оделся бы нормально. Стоило ли сжигать шкурку царевны-лягушки, читай – ватник и ушанку? На одной чаше весов – его любовь к старым тряпкам и кручина из-за их потери, на другой чаше – ее самодовольство прилично одетым мужем.

Возвеличивать свои пристрастия и презирать чужие – эгоистично. Но это не значит, что с ошибочными бзиками не следует бороться.

Анна Аркадьевна испробовала все: ласковые уговоры, убеждения, заявления о том, что дрянные зубы или их отсутствие – свидетельство бескультурья, равняется мятым брюкам, грязным ботинкам и ногтям, пораженным грибком. Она грозила, что не пойдет с ним в гости и к себе никого приглашать не будет. Потому что не может видеть, как он силится не улыбаться, таращит глаза, и лицо его становится идиотским. Когда все-таки не выдерживает и смеется, то демонстрирует окружающим узкую щель в недра своего организма.

– Я не отказываюсь, – говорил Илья Ильич. – Просто сейчас очень много работы. В отпуске.

Наступал отпуск, и его присутствие на даче требовалось ежедневно, не вырваться.

– Ради меня! – просила Анна Аркадьевна после отпуска. – Я прошу! Ради меня приведи свой рот в порядок! Ты меня унижаешь! Мне унизительно видеть и знать, что мой муж некультурный пентюх.

– Что ты пристала? Разберу завалы на работе и отправлюсь к твоему стоматологу. Если меня хватит инсульт кондратьевич, превращусь в овощ, тебе тоже будет унизительно?

– За такие вопросы, – раздула ноздри Анна Аркадьевна, – положен карцер, штрафбат, а умственно отсталых лишают сладкого. Чувствуешь запах? Это горит шарлотка. Пусть обуглится!

– Моя любимая шарлотка! – рванул на кухню Илья.

Илья Ильич был настоящий русский офицер – честный, мужественный, справедливый и отважный. Патриот и гражданин без страха и упрека. Так, по-казенному, его сослуживцы говорили в тостах на днях рождения Ильи еще в его бытность лейтенантом, во времена службы по медвежьим углам. Молодые офицеры не обладали кавказской велеречивостью и привыкли

выражаться четко и определенно. Анна Аркадьевна считала эти тосты данью формальности. То же самое говорили другим офицерам на их днях рождения, хотя Илье, возможно, с большей пылкостью.

Пока не случилось ЧП на каких-то очень важных и секретных учениях. Илья попал в госпиталь с сотрясением мозга, множественными осколочными ранениями и сложным переломом ноги. Анна Аркадьевна сидела у его кровати, с трудом сдерживая нервную дрожь панической атаки, а Илья, слабый, заторможенный, перебинтованный с головы до ног, со спекшимися губами, пытался шутить:

– Неудачно за водкой сбегал.

Он быстро шел на поправку, и через несколько дней Анна Аркадьевна, уже кипя от гнева, а не трясясь от страха, пришла в госпиталь и принялась возмущенно выговаривать мужу:

– Тебя представили к ордену! У нас орденами не разбрасываются! За что тебя представили к ордену?

– За проявленные мужество и героизм.

– Хорошенький героизм – оставить меня вдовой с маленьким ребенком. Немедленно все мне рассказывай!

Он поманил ее пальцем и сказал на ухо:

– Мы будем тебе носить в тюрьму сухарики. На кого ты работаешь? На китайскую разведку, на австралийскую? Сдавайся! За чистосердечное признание тебе скостят срок.

На тех учениях погибли люди, и это скрыть было невозможно. По намекам Анна Аркадьевна поняла, что если бы не действия Ильи, жертв было бы гораздо больше. Ему вручили орден, досрочно присвоили звание майора и дали направление в московскую академию.

Она понимала, что Илья не мог поступить иначе, и в то же время не могла простить, что он рисковал жизнью, что приоткрыл на миг перед ней черную пропасть – существование без него. Герой – это замечательно, гордо и почетно. Но какой жене нужен мертвый герой? Только в фольклорных былинах и плохих советских книгах с ура-патриотическими идеями мать благословляет сына на смертельный подвиг или жена, утирая скупую слезу, посылает мужа на погибель. В жизни все совершенно иначе. Женщина охраняет семью, мужчина – отечество. Она знает, что его миссия труднее, важнее, опаснее, и она, женщина, подчиняется мужской воле, что не мешает ей проклинать любой героизм.

Илья Ильич не сомневался, что жена гордится им, хотя никаких высоких слов произнесено не было, а звучали только осуждающие, что она не смогла бы жить с ним, выкажи он себя трусом, дезертиром, пугливым ничтожеством. Она ведь когда-то, приехав к нему в Тверь, где он учился в военном училище, заглянула в храм. С ней заговорил священник, что поначалу Аню напугало. Воспитанные в атеизме, они считали всех служителей церкви мракобесами и носителями религиозной проказы. Но священник просто сказал ей, что сегодня день памяти святого князя Михаила Ярославовича Тверского. Этот князь сражался за Тверь с московским князем Юрием Даниловичем и в решающей битве победил. К нему в плен попала жена Юрия, сестра ордынского хана. Она скоропостижно умерла, и Юрий обвинил Михаила в том, что ее отравили. Михаил отправился на суд в Орду. Знал, что едет на смерть, но в противном случае монголо-татары могли прийти, разграбить княжество, пролилось бы много крови. В Орде князя Тверского унижали и пытали, хотя возможность побега имелась, он отказался и принял мученическую смерть *за други своя*. Это выражение так поразило Аню, что, уже работая в школе, к Девятому мая она с детьми выпускала стенную газету с рассказами о героях, совершившими такой же подвиг, как Александр Матросов, закрывшими своими телами амбразуру. Газета так и называлась *Отдавшие жизнь за Отчизну и други своя.*

– Мы, конечно, не смогли разыскать сведения обо всех, – говорила Аня мужу. – Их около четырехсот человек! Только представь! Мы – страна героев!

Когда отправлялись в Москву, упаковывали домашний скарб в ящики, и скарб этот не влезал, а контейнер прибудет в столицу неизвестно когда, она нервничала и покрикивала:

– Не утрамбовывай этот ящик! Там только сверху шуба и все зимнее, между ними сервиз. Ну что тебе стоило броситься под танк или лечь на амбразуру на три месяца раньше? Мы бы переехали спокойно, без суеты.

– Все? – оглянулся по сторонам Илья Ильич. – Остальное раздай добрым людям.

– Нет, не все. Кажется, я беременна.

– Какого черта! – заорал муж.

– Знала, что ты обрадуешься.

– Какого черта ты таскала тяжелые ящики?

Геройский орденоносец недолюбливал зубных врачей. Использовать его патриотизм и мужество против стоматологов было нелепо и анекдотично. Однако Анна Аркадьевна решила попробовать.

Однажды вечером на кухне она поставила локти на стол, сцепила пальцы в замок, положила на них подбородок и уставилась на жующего котлеты Илью Ильича. Она старалась придать своему взгляду вопросительную печальную грусть, тайный страх задать вопрос и получить ужасный ответ.

– Что ты *так* на меня смотришь?

– Все это глупо, нелепо, неправда, – Анна Аркадьевна встала, подошла к окну, прижалась к стеклу лбом. – Я не могу избавиться от мысли… – она замолчала.

– Какой мысли?

– Что ты способен… Прости! Родину предать.

– Чего-чего?

Анна Аркадьевна вернулась за стол. До этого выдерживала многозначительные паузы, но тут заговорила быстро:

– У меня все время перед глазами картина. Застенки гестапо. Ты связанный, избитый, окровавленный. Ты держишься мужественно. Но тут входит фашистский палач в белом халате, в одной руке у него зубные клещи, он ими клацает, в другой жужжит бормашина. И ты выдашь все секреты.

– Бред какой-то!

– Форменный бред, – с готовностью согласилась Анна Аркадьевна. И тихо добавила: – От абсурдных мыслей избавиться труднее, чем зуб вставить.

Илья Ильич нервно рассмеялся и сказал: пусть Анна Аркадьевна запишет его к врачу на четверг после семнадцати.

Утром он был не в духе, потому что уже сожалел о своем обещании.

– Если думаешь, что я повелся на твое представление, то ты очень ошибаешься!

Анна Аркадьевна беспечно пожала плечами:

– Ты дал слово, ты честный человек и никогда не нарушаешь обещаний. К стоматологу ты пойдешь, не потому что Родину любишь, а… например, давече к тебе подошел беззубый первоклашка и сказал: «Дядя, давай, кто громче свистнет?»

Переименование стоматологической поликлиники в «застенки гестапо» прижилось в их семье.

Мама, папа звонил, сказал, что задерживается в застенках гестапо… Я не могу в пятницу идти в театр, мне вечером в застенки гестапо… Разбуди меня пораньше, я записался на восемь в застенки гестапо…

Благословление жены на поездку в Кисловодск для Ильи Ильича было подвигом еще и потому, что он наступал на горло своей ревности. Теоретически известно, что на курортах

мораль в алкогольном забытьи, нравственность в постоянном похмелье, там все неженатые и незамужние, *там чудеса, там леший бродит* и бросает в объятия, затем – в койки прежде, казалось, верных супругов.

Анна Аркадьевна проиграла служебную битву. Несколько месяцев добивалась, чтобы ее проект включили в образовательную госпрограмму. Не вышло. Если бы получилось, накопленная усталость газовой струей взмыла бы в небо, прихватив все недуги. Не повезло, и усталость придавила к земле свинцовой блямбой. Стал болеть желудок, позвоночник свою костную основу точно поменял на желейно-дряблую, вечно ноющую, и периодически в спине-киселе стреляло молниями. Ей нужно отвлечься, отдохнуть, забыть про работу, выспаться, не вникать в дела близких, подруг и знакомых. Словом, пуститься во все эгоистические тяжкие.

Илья Ильич был ревнив, а она слишком часто давала поводы для ревности. Не потому что изменяла ему, а потому что всегда пользовалась успехом у мужчин. Илья не устраивал сцен, не допытывался, не изводил ее вопросами и подозрениями. Иногда Анне Аркадьевне казалось, что лучше бы бесновался. Но не так, конечно, как муж Вали Казанцевой.

Лейтенатско-капитанская молодость – это частые застолья, выпивка, танцы, флирт, хмельное женское кокетство и пьяная мужская похоть. Казанцев, провожая гостей, размахивал руками: «Хорошо посидели!» Закрывал дверь, поворачивался к жене, менялся в лице: «Ну что, сука? Поговорим?» Бил ее сразу или после того, как прорычит самые грязные оскорбления.

Илья страдал тихо, безмолвно, отчаянно. Ей приходилось лечить его, потому что муки бывают в болезни. Лучше всего помогал юмор и уничижительные характеристики возможных любовников. Но, бывало, силы изменяли Анне Аркадьевне, сколько можно порочить невинных людей, сострадание подтаивало, а обида лезла наружу (нет ничего оскорбительнее ложных обвинений). Однажды, прежде чем идти в гости, на двойном тетрадном листке она написала: «Собственность Ильи Павлова! Руками не трогать! Взглядами не беспокоить!» Продырявила концы листка, просунула веревочку, повесила на шею. Стала похожа на Зою Космодемьянскую перед казнью с картины Кукрыниксов. Осовремененный вариант, конечно.

Илья ничего не сказал, во взгляде читалось: «Я не виноват, что я такой».

Он действительно был не виноват в том, что, будто нестройная детская пирамида, состоял из кубов, больших и маленьких. Порядочность, честность, ответственность – самый большой куб. Любовь к ней и к сыну – почти такого же размера куб. Еще были искренность и дружелюбие, хорошие интеллектуальные способности. И маленькие черные кубики – ревность, упрямство, твердолобая приверженность коммунистическим идеалам, которые он называл просвещенным консерватизмом, деление людей на *свой-чужой, наш-ненаш, дерьмо-мировой парень*, перейти человеку из одной категории в другую было практически невозможно. Его примитивное кубическое устройство открылось Анне лет через пять после свадьбы. Она смотрела на мужа и видела детскую пирамиду, считала кубики. Это было не разочарование, а нечто, сменившее восторг и восхищение. Нельзя прожить всю жизнь, убеждала она себя, полыхая страстью, любой огонь рано или поздно гаснет. И понимала, что, против всех законов, Илья сможет светить вечно, он как солнечная батарея, было бы солнце – Аня. Ей-то как хотя бы ровное тление подольше сохранить?

Своими переживаниями Анна поделилась с лучшей подругой Валей Казанцевой, потому что эти переживания уже превращались в маниакальный подсчет кубиков.

– А другие люди из чего состоят? – спросила Валя, выслушав. – Ты, например? Думаешь, из цветочков-лепесточков? Да у тебя шипов как у кактуса. Или… – Валя назвала их тогдашнего командира части. – Он вообще дерьмо в павлиньих перьях. А у Илюши ни крупинки дерьма! Если хочешь знать, любая женщина руку отдала бы, чтобы увести твоего мужа или хотя бы переспать с ним.

– Однорукая жена вряд ли меня заменит.

– Илье тебя не заменит даже баба с тремя сиськами.

Пирамида рассыпалась, когда муж едва не погиб после ЧП. Она приходила в госпиталь, ворчала на него, Илью веселило ее требование обещать, что больше никаких подвигов. Он не догадывался, что внутренне она проклинает себя. *Дура ты дура! Случись непоправимое, ты бы каждый кубик позолотила и берегла бы как святыню.*

С Валей Казанцевой они дружили с вынужденными перерывами из-за смены мест службы мужей почти двадцать лет. Когда Казанцевым правдами и неправдами удалось перевестись поближе к столице, в подмосковную часть, Анна Аркадьевна ликовала. Она нуждалась в Вале, в многочасовых исповедальных разговорах с ней. Валя разошлась-таки с мужем-извергом. Сохранять брак ее заставляли не дети, не страх одиночества и уж, конечно, не реальная перспектива того, что карьера Казанцева-разведенца пойдет на спад или затормозится. Валя испытывала к мужу сильное половое влечение, а когда его мощь пошла на убыль, развелась. Сексуальная составляющая в отношениях с мужчинами была для Вали главной. Она считала, что женщина вообще, а сама она, Валя, сто раз в частности, рождена для наслаждения, конкретно плотского и эфемерно душевного вроде флирта, кокетства, предвкушения, счастливого замирания сердца и быстрого бега разгоряченной крови. Все прочее – наслоения и муть, в которые с рождения пеленают девочку семья, школа, религия, сказки народов мира и классическая литература.

До развода Валя хранила верность мужу, постепенно расставаясь с *наслоениями и мутью советского воспитания*, после развода дала волю своим инстинктам. Целомудренность и брезгливость Анны Аркадьевны засыпали, когда Валя рассказывала о своих романах, и пробуждался интерес сродни тому, что был бы у человека, никогда не посещавшего цирка, слушающего про артистов, которые ходят по канату, глотают сабли и гасят факелы во рту. Валя была замечательной рассказчицей, а хороший рассказчик всегда отчасти гипнотизер. Ради мужчины, в которого влюблена, Валя была готова переступить через все: через детей, через благополучие, через Родину, Вселенную, и скушать родную бабушку. Анну Аркадьевну угроза расстрела не заставила бы изменить мужу. Девять десятых их общения – обсуждение Валиных амурных проблем. Рассказы Вали зачаровывали образностью описания ее чувств, сравнениями, гиперболами, то нарастающими, взлетающими до неба эмоциями, то падающими на землю в болото отчаяния. Анне Аркадьевне казалось, что любой романист, подслушав, записав на диктофон Валины речи, перенеся их на бумагу, стал бы великим писателем. Или, посрамившись воровать, от творческой зависти и собственного бессилия покончил бы жизнь самоубийством. Хотя суицидальные мысли в конце очередного романа посещали как раз Валю. Ночь за полночь Анна Аркадьевна после звонка подруги мчалась на такси в другой конец Москвы, потому что Валя сидит перед грудой таблеток и собирается отравиться или стоит на мосту и собирается утопиться. Крах любви, отчаяние на грани самоубийства, со временем поняла Анна Аркадьевна, были такими же необходимыми составляющими Валиного полового безумства, как флирт или ударный секс.

Кто-то привык к неострой, несоленой еде, кто-то сильно перчит и солит блюдо. Первые смотрят на вторых с зоологическим интересом: как можно есть эту огнедышащую массу? Вторые не понимают первых: что вкусного в постном вареве?

Анна Аркадьевна много раз убеждалась в том, что Валя по натуре подлая баба, злодейка. Интригует, пакостит не ради выгоды, не из зависти, а по дьявольскому нетерпеливому желанию нарушить нормальный ход жизни, посолить, поперчить, взбаламутить, сорвать маски. Когда потом оказывалось, что с Анны Аркадьевны содрана не маска, а кровоточащая кожа, Валя включала свое гипнотическое излучение, каялась, плакала, рыдала, один раз даже стояла на коленях. Ее черт попутал. Что поделаешь, если в этой потрясающей женщине живет черт с большим семейством.

Дружба, как и любовь, имеет свой срок горения. Хотя у дружбы этот срок много дольше. Они расстались мирно, без повода. Анна Аркадьевна *вдруг постепенно* почувствовала свободу от Вали. Сын Лёня так говорил в детстве: «Двойку за поведение я получил вдруг постепенно». Анна Аркадьевна перестала отвечать на звонки Вали, а когда та приезжала, держалась холодно и отчужденно. Валя пыталась устроить шекспировскую трагедию с мощным катарсисом в финале. Анна жестоко бросает подругу, когда у той небо рушится. «В очередной раз, – хотелось сказать Анне Аркадьевне. – Профессиональным нищим я не подаю». Но если бы заикнулась, то снова бы увязла. Анна Аркадьевна смотрела на часы и ссылалась на занятость.

2

С попутчицей Анне Аркадьевне повезло. Молодая стройная женщина из породы офисных менеджеров среднего звена, одетая (в восемь утра!) в деловой костюм: обтягивающая юбка до колен, узкий пиджачок, белая блузка с верхними пуговичками, расстегнутыми на границе допустимого, – вошла в купе, поздоровалась, повесила пальто на крючок и стала переодеваться, не предложив Анне Аркадьевне выйти. Пришлось таращиться в окно, потому что протиснуться в коридор было невозможно. Попутчица облачилась в легинсы и длинную футболку, ватным диском, смоченным лосьоном, протерла лицо, нанесла крем, стянула резинкой длинные русые волосы на макушке, разделила хвост на четыре пряди, каждую накрутила на большие бигуди. Легла на полку, повернулась к стенке и заснула. В ее действиях был даже не казарменный автоматизм натренированного солдата, а выполнение программы киборгом, бездушным роботом. Анна Аркадьевна опасалась болтливой попутчицы, но в полном отсутствии общения, в абсолютном равнодушии к тому, кто временно делит с тобой пространство, было что-то сродни примитивной бесчеловечности.

Девушка, не пошевелившись, проспала весь день, вызвав некоторое беспокойство Анны Аркадьевны. На одной из остановок Анна Аркадьевна склонилась над попутчицей, проверяя дыхание. Кукла была жива, пружина застопорена, чтобы через положенное время снова запуститься.

Анна Аркадьевна тоже дремала, но урывками и беспокойно. По вине детектива, который, поддавшись уговорам мужа и детей, взяла в дорогу. Она любила классические детективы, в которых сыщик расследовал убийство, мотивированное какой-нибудь историей с корнями в прошлом. Факты, которые знал сыщик, были доступны и читателю, но читатель не обладал умением выстроить разоблачительную теорию. В последние годы в моду вошли детективы про серийных убийц. Анну Аркадьевну тошнило от описания их злодейств, порочных чувств и патологической психики. Она говорила, что страдает недостатком воображения, и цепь изощренных убийств не будит в ней азарта, желания поскорей узнать отгадку, будит только рвотные позывы. Тем более что все озарения следователей большей частью к логике отношения не имеют и случайны. Добрый Илья Ильич утверждал, что дело в обратном, что ее воображение как раз очень развитое, предметное и эмоциональное, и она не может видеть сказку, условность за шокирующими описаниями.

В детективе, который Анна Аркадьевна силилась читать, действовал маньяк, чьи изуродованные, картинно выставленные жертвы наводили на мысль, что маньяк – взбесившийся патологоанатом. Это заключение почему-то не приходило в голову сыщикам и когда они топтались на месте между преступлениями серии, Анна Аркадьевна задремывала. Просыпалась на остановках, разбуженная отсутствием вагонного покачивания и перестука колес, бралась за книжку, читала про очередную жертву, невольно и сострадательно поглядывала на крепко спящую соседку, которая точно соответствовала излюбленному типу маньяка – высокая стройная девушка с белокурыми длинными волосами.

Выпив чаю, отужинав домашними бутербродами, укладываясь на ночь, Анна Аркадьевна опасалась, что ей будут снится жертвы из недочитанного, с отвращением брошенного детектива, но спала она без кошмаров. Сказывалась накопленная усталость. Проснулась только один раз, около полуночи, когда зазвонил будильник в телефоне попутчицы. Девушка снова переоделась в офисную униформу, распустила волосы. Они легли красивой пышной волной, впереди чуть закрывали плечи, а на спине спускались до талии. Взвизгнула молния на кабинном чемоданчике, девушка надела пальто, открыла дверь купе, потащила чемоданчик за ручку и все-таки оглянулась, посмотрела на Анну Аркадьевну, убедилась, что та не спит, попрощалась. Хоть что-то. Анна Аркадьевна поднялась и отправилась в туалет, на обратном пути спро-

сила проводницу, что за станция. Ростов-на-Дону. Засыпая, ворочаясь на жесткой узкой полке, Анна Аркадьевна представила, как муж ее сегодня спросит по скайпу или по вацапу, какая попутчица попалась.

– Одна из жертв маньяка из твоего тошнотворного детектива. Проживала в Ростове-на-Дону, так фанатично боролась с лишним весом, что могла почти сутки не ходить в туалет.

В Москве была холодная, слякотная, хмурая, предзимняя погода, а Кисловодск встретил солнечной золотой осенью, с необлетевшими листьями на деревьях и поздними цветами на клумбах.

Татьяна Петровна, возможно, потому что ойкала в телефонном разговоре, представлялась Анне Аркадьевне хлопотливой толстушкой вроде соседки Ольги. У Чехова про таких сказано просто, кратко и гениально – *вдова с ямочками на щеках.* Хозяйка оказалась рослой, костлявой, сутулой женщиной, впалые щеки и никаких ямочек. Привет предчувствиям! Глаза Татьяны Петровны были не от ее лица. На таком вытянутом, с тяжелым подбородком лице должны быть глаза-щелочки, пробившиеся через костный заслон. А у нее были круглые, навыкате, точно все время тужилась, старалась угадать и выполнить желания людей.

К приезду Анны Аркадьевны хозяйка приготовила диетический, *у вас же гастрит*, обед из пяти блюд: витаминный салатик из мелко нашинкованных овощей, жидкие щи, паровые котлеты и картофельное пюре, яблочный пирог с чуть-чуть подрумяненной корочкой и ягодный кисель. Как будто Анна Аркадьевна была любимой больной родственницей, а не жиличкой, про которую опытные товарки наверняка говорили, что баловать не следует, а надо сразу поставить в рамки.

Анна Аркадьевна поблагодарила и сказала, что для нее это слишком много, признательна за хлопоты, но даже во время приступов она не может заставить себя есть сиротские супчики, резиновые паровые котлеты, вареные мясо и рыбу, питается чаем с сухариками, пока лекарства не выполнят свое благое дело.

– Хоть попробуйте, – просительно заморгала Татьяна Петровна.

Анна Аркадьевна попробовала и… умяла все, даже пирог, тесто в котором было не мучнистым, а творожно-воздушным.

– Татьяна Петровна! Вы волшебница! Я мысли не допускала, что диетическая еда может быть вкусной. Взаимоисключающие понятия, оксюморон, как горячий снег или белая чернота.

– Ой, это не я, – польщенно отмахнулась Татьяна Петровна. – Это у нас в санатории была девочка, то есть не девочка, а врач-диетолог. Такая увлеченная умница, столько прочитала, столько сама рецептов придумала. Больные на нее молились, по их просьбе она лекции читала про как правильно готовить. Мы все ходили слушать.

– Что стало с девушкой?

– Не прижилась. На хороших-то продуктах и на правильных пропорциях не своруешь. Да и устала она – к пяти утра каждый день на закладки на кухню приходить, контролировать, ругаться с поварихами, с завстоловой. Потом в других санаториях работала, в самых… – Татьяна Петровна потыкала в потолок.

В санаториях для номенклатуры, знаменитостей и просто очень богатых людей тоже воровали, что в формулировке Татьяны Петровны звучало как *везде хотят жить*. Судьба девушки, однако, сложилась счастливо. Какой-то язвенник сначала уговаривал ее идти к нему на большие деньги в поварихи, а потом и вовсе сделал предложение руки и сердца.

– Его можно понять, – кивнула Анна Аркадьевна, – за такие блюда полцарства не жалко.

– У них хорошо все сложилось, – посчитала необходимым уточнить Татьяна Петровна, – по любви потом. Двое деток родились.

– Она его за язву полюбила, а он ее – за супчик и котлеты, – усмехнулась Анна Аркадьевна. – Простите за иронию. Просто я подумала, что мои муж и дети сейчас перейдут на исключительно пельменную диету.

Специально завела разговор о своей семье, ведь хозяйке, понятно, интересно знать, какого поля ягодка жиличка. Муж военный, полковник, преподает в академии, дочь в ординатуре, оканчивает медицинский институт, сыну тридцать два года, работает в большой авиакомпании. Сама Анна Аркадьевна трудится мелкой чиновницей в одном из научных институтов при Министерстве образования и читает спецкурсы в педагогическом университете. Хороший тон требовал расспросить хозяйку и о ее близких.

– Муж спился, сгорел от водки, – поведала Татьяна Петровна. – Потому что был очень рукастый и мозговитый, учеба его сгубила.

– Не вижу связи, – удивилась Анна Аркадьевна.

– Он сантехником работал и учился заочно. Все к нему ходили – напиши курсовую, диплом, сделай чертежи. А благодарили как? Бутылками. И за левую работу, за халтуру тоже бутылки.

«Ей так проще хранить память о муже, – подумала Анна Аркадьевна. – Придумать миф и поверить в него. Кто-то сгубил, а не сам виноват. Не его собственная болезнь безволия, а чужие злодеяния».

– Чем занимается ваш сын? Как его зовут? – спросила она.

– Юрчик. Автобус водит, у нас ведь трудно работу найти. Но его сразу взяли. Юрчик ответственный и не пьет.

– Потому что не учился? – вырвалось у Анны Аркадьевны.

Попала в точку, Татьяна Петровна отвела глаза, сама понимая, что вслух произнести подобное нелепо. Но с мифами и суевериями расстаться труднее, чем с верой в злые силы.

Выпуклые, нелогичные глаза Татьяны Петровны подернулись ласковой влагой, когда она говорила о сыне, брови, мелкие мышцы на лбу и на щеках слегка затанцевали. Все женщины любят говорить о своих детях, радуются возможности, теплеют. Но далеко не каждая при этом излучает свет, робкий и нежный.

Юрчик в полтора года уже хорошо говорил, в три года сам, никто не учил, стал читать, книжку за книжкой, в школу пошел, мог трехзначные числа в уме складывать.

– Хоть кого спросите! – клялась Татьяна Петровна. – Все удивлялись.

– Я верю, верю, – кивнула Анна Аркадьевна.

И подумала: «Никуда мне от них не деться».

Научная работа Анны Аркадьевны была связана с одаренными детьми. Служебная – в организации для них специальной системы обучения.

Она посмотрела на книжные полки, занимавшие одну из стен в этой чистенькой и бедной гостиной, именуемой *залой*, занимали одну из стен. На самом верху стояли двенадцать томов советской детской энциклопедии с потрепанными корешками, зачитанные.

– Юра любил читать энциклопедию? – спросила Анна Аркадьевна.

– Не отрывался, – кивнула Татьяна Петровна. – Отец ему купил, с переплатой, два месяца не пил.

– Ваш сын, определенно, очень умный мальчик. Если бы человек, любой человек, был способен сохранить в памяти только школьную программу, содержание учебников по химии и биологии, он прослыл бы эрудитом. А уж энциклопедия! Но я соглашусь в вами, гораздо важнее быть счастливым, чем умным. Недаром говорится: от счастья ума не надо.

«Счастье без ума – дырявая сума, – подумала Анна Аркадьевна. – На всякую пословицу есть противоположная по смыслу, а любовь часто питается иллюзиями и боится правды».

Лечение оказалось делом утомительным. До обеда Анна Аркадьевна принимала ванны, ей делали массаж и физиопроцедуры, она пила нарзан и отвары трав, посещала группу лечебной физкультуры и мануального терапевта. К двум часам добиралась домой, уставшая как батрак-кули после двенадцатичасового рабочего дня на хлопковой плантации. Съедала приготовленный Татьяной Петровной обед и заваливалась спать. По совету хозяйки Анна Аркадьевна купила курсовку без питания, столовалась дома. Настояла, что разницу в цене курсовок будет отдавать Татьяне Петровне. Свежие продукты, поди, не дешевы, за ними еще на рынок надо сходить и сготовить. *Ваша непрактичность, Татьяна Петровна, может сделать ваш бизнес убыточным, а мою совесть ущербной.*

Просыпалась Анна Аркадьевна около пяти. Голова почему-то не болела, хотя обычно дневной сон оборачивался мигренью и горечью во рту. Выпивала какао с крендельком, пирожком или домашним печеньем. Потом будет ужин и домашняя простокваша на ночь. *Анна Аркадьевна при вашем диагнозе обязательно пятиразово надо питаться!* После полдника следовало бы включить компьютер и сесть за работу – редактировать статью аспирантки.

Народная молва (интеллигенция тоже народ) полнится слухами о бессовестных «соавторах» – научных руководителях, которые ставят свои подписи под работами аспирантов и младших научных сотрудников. Молва умалчивает о соискателях научных степеней, которым руководитель подарил идею, методику ее внедрения, помог собрать данные, а соискатель не способен даже внятно изложить результаты исследования на бумаге, то есть в компьютерном файле. Проверщик орфографии глохнет от количества ошибок этого, с позволения сказать, педагога.

Работать решительно не хотелось. *Имею право. У меня тяжелый отдых,* находила себе оправдание Анна Аркадьевна и включала компьютер, только чтобы поговорить по скайпу с мужем и детьми. Хотелось читать что-то неспешное, многословное, стилистически безупречное, из другой, благородной и эстетически благополучной жизни, то есть классику. Обнаруженный в библиотеке хозяев «Обломов» Гончарова подошел как нельзя лучше.

Когда Анну Аркадьевну спрашивали, как она познакомилась с будущим мужем, она отвечала: «На почве русской литературы».

Это был день рождения сокурсницы-москвички. Один из парней привел своего двоюродного брата, курсанта тверского военного училища, который не успел переодеться и явно чувствовал смущение из-за своей зеленой военной формы. Анна Аркадьевна была тогда максималисткой, как сама о себе говорила, «провинциалка с вызовом», и бросалась с поддержкой к любому человеку, выказывавшему ущербность из-за немодной одежды или нестоличного происхождения. Сама она к третьему курсу уже приобрела большинство «культурных» навыков. Например, полюбила кофе. В их семье, да и во всех ей известных на малой родине, никто кофе не пил. Чай, изредка какао. В столовых предлагался кофе с молоком – отвратительное пойло. В домах годами хранились банки с растворимым кофе – вроде как для гостей, на самом деле – для хвастовства. Московский кофе эспрессо из машины был вязкий и горький, но Анна Аркадьевна упорно приучала себя его пить. И в какой-то момент стала получать удовольствие от напитка, в сессию, в ночь перед экзаменами пила кофе литрами. Утро без чашечки хорошего кофе всю последующую жизнь было не бодрым стартом нового дня, а наказанием не проснувшегося мозга.

Она первой подошла к курсанту.

– Как вас зовут?

– Илья. Илья Ильич. Как Обломова.

– Здорово! А я Анна. Анна Аркадьевна. Как Каренина.

– Вообще-то на Обломова я совершенно не похож.

– Да и мне не улыбается закончить жизнь под колесами поезда.

Когда расходились, Илья попросил разрешения ее проводить. Они прогуляли всю ночь, не целовались, не обнимались, даже за руки не держались. Но на рассвете у обоих было такое чувство, что отправиться по своим делам, сидеть на лекциях, отвечать на семинарах, есть, пить, ехать в транспорте, кого-то слушать, с кем-то спорить – глупейшая и скучнейшая перспектива. Вчерашняя жизнь померкла, а завтрашняя казалась прекрасной только в общении с этим человеком.

Илья окончил училище и уехал к месту службы на север Карелии. Анне Аркадьевне оставалось учиться два года. Это было время развала армии, офицерам не платили месяцами. Илья разгружал вагоны, где попало подрабатывал, сдавал кровь, чтобы позвонить ей по межгороду, скопить на отпуск, приехать к ней. Они писали друг другу каждый день. Коротенько, полстранички, как дневник. Если почта буксовала, и утром в ящике не было конверта, наступала паника будто перед концом света.

Анна Аркадьевна облюбовала лавочку, что стояла у хозяев во дворе. Лавочка была правильная, со спинкой удачного наклона, от долгого сидения на ней спина не уставала. Татьяна Петровна принесла подушку и плед. *Как бы вам не застудиться, холодно уже.* Прочитав несколько страниц, Анна Аркадьевна поднимала голову и вроде бы думала. Однако мысли были несвязные, как строчки из разных произведений.

Весенний воздух чист, потому что потеплело, а осенний чист, потому что похолодало. Голые деревья в саду похожи на конечности каких-то фантастических существ, которые лезут из земли – не страшных, а беспомощных. Илья обожает инструменты. На день рождения ему надо подарить гвоздезабиватель, или как там эта штука называется. Краски заката на горизонте никогда не повторяются. Если бы художники были сродни математикам и попробовали бы изобразить среднестатистический закат, они сошли бы с ума. У дочери нет зимнего пуховика. Куцая куртенка до пояса – безобразие. Застудит моих будущих внуков. Выражаюсь как Ольга.

Снова читала и снова отвлекалась. Вспоминала, как бунтовала в десятом классе. *Не останусь тут! Поеду в Москву поступать. Что меня здесь ждет? Провинциальное образование, замужество. Коляски, пеленки и сидеть на лавочке семечки лузгать?* Бедные родители. Семечки, кстати, хорошая идея, надо купить. Птица на ветке, суетится, *нервуется*. Это самец-алкоголик. Наклевался хмельных ягод и проспал до осени, а теперь ему свадьбу подавай. Нечего было по помойкам, куда хозяйки ягоды из наливок выбрасывают, кормиться. У меня случилось что-то хорошее. Что? Тетя, пора лечить склероз, переходящий в маразм! Ты уже три дня ходишь в санаторий пешком, и спина у тебя не болит. Да здравствует лечение! А также праздность, Кисловодск, роман Гончарова и Домбай, куда надо все-таки съездить. Не на Эльбрус же. Эльбрусом можно полюбоваться издалека.

Ужинали втроем: Анна Аркадьевна, Татьяна Петровна и Юрчик. Мальчик покорил Анну Аркадьевну в первый же вечер. Настороженный взгляд, пространные вопросы, которые, по сути, сводились к одному: «Вы не обижаете мою маму?» Трогательно. Есть наблюдения зафиксировавшие, что в семье алкоголиков вырастают ярые трезвенники, а в неполных семьях при слабовольной маме – брутальный сын, защитник униженных и оскорбленных. С точки зрения Анны Аркадьевны, на *то, что вырастет,* влияет слишком большое количество факторов, генных, биологических, социальных и семейных, начиная от случайной детской психологической травмы, вроде той, что девочку-пятиклассницу прилюдно обозвали вонючкой, и заканчивая идиотским фильмом, который вдруг перевернул подростку сознание. Поэтому точно предсказать невозможно, а ставить на детях штампы – преступно. Это, конечно, не выписывает индульгенцию родителям и педагогам. Как растению для хорошего роста нужны удобрения, так ребенку требуется в разумных дозах внимание. Боязнь удобрений – *из-за вредной химии* – суть невежество, отсутствие заботы о ребенке – замаскированное преступление.

Юра, безусловно, никаких *удобрений* ни от родителей (кроме детской энциклопедии), ни от педагогов не получал. Но внешность юного, высокого и стройного Адониса, добрый нрав – это уже подарок природы.

После ужина Анна Аркадьевна снова уходила во двор и садилась на лавочку. Света фонаря над крыльцом было недостаточно для чтения. И это было *оправдательно*. Ее никто не заставлял читать, но уж если взяла в руки хорошую книгу, не детектив про маньяков, то должна прочитать до последней страницы, тем более что текст, как бы известный, оказался богаче, глубже и умнее по сравнению с тем же текстом, прочитанным в молодости. У Анны Аркадьевны никогда не было возможности предаваться философской созерцательности, да и склонности к ней не имелось. И это уютное бездумное сидение на лавочке, как продолжение дня-пустышки в поезде, наверное, какими-то чертами походило на бытие *диванных мальчиков*. Так она про себя называла сыновей двух приятельниц и школьного друга Лёни. Три мальчика выросли на ее глазах, они были совершенно разные по характерам и темпераментам, но вначале их взрослая жизнь шла как под копирку. Хороший старт: институт, престижная работа, женитьба на замечательной девушке, рождение ребенка… А потом – диван. Не диван Обломова. Илья Ильич был помещиком, на него трудились, и это было не позорно, потому что на его прадеда тоже трудились. А их, этих бедных упырей, диван был совершенно другим.

Я ищу работу! Я не играл на компьютере, я рассылал резюме. Иди ты со своими памперсами! Забыл про них. Подумаешь, пива купил. Где я тебе возьму денег? Ты меня не понимаешь! Попроси у родителей.

Они уходили из дома, чтобы избежать упреков жен и нотаций родителей, где-то шлялись с такими же лоботрясами. Или, напротив, запирались в комнате, в ванной, в туалете, не выходили, пока не получали обещание, что больше их не будут *грузит*ь. Наверное, завидовали своим сверстникам в старой Европе. Анна Аркадьевна видела эти объекты зависти в Греции, Хорватии, в Австрии. Поначалу не понимала, почему в будний день, в рабочее время после обеда многочисленные кафе начинают заполняться молодежью, пьющей кофе. К вечеру кафе под завязку, но ужинают немногие, дороговато, а чашку кофе можно тянуть несколько часов. Ей разъяснили, что все эти молодые люди, многие с высшим образованием, живут на пособие, могут позволить себе не трудиться. Правительству проще платить пособие, чем организовывать новые рабочие места. Такое количество праздных молодых людей самого активного возраста, не выглядящих несчастными! Нам до подобной благодати (или вырождения?) еще далеко. Наши мальчики должны трудиться. Для Анны Аркадьевны все, кто не перешагнул тридцатилетний возраст, были девочками и мальчиками. На молодых женщинах современные тенденции не очень заметны. Как они говорят? Тренды. Какой бы молодая мать ни была ленивой бесхозяйственной грязнулей, хабалкой и попросту тупой дурой, пеленки ребенку все-таки поменяет и макарон мужу сварит, самой-то тоже есть хочется. С мужчинами иначе, выпуклее, заметнее. Они ведь добытчики, охотники, защитники.

– Не помешаю? – попросил разрешения Юра.

– Присаживайся.

– Вы тут каждый вечер сидите, о чем-то думаете. О науке?

– В определенном смысле.

– Можно спросить, о чем конкретно?

– В данном конкретном случае я думала о том, что советский закон о тунеядстве, конечно, излишне было применять по отношению к творческим личностям, вроде Бродского, но для современных диванных мальчиков он жизненно необходим. Насилие государственного аппарата, ты, понятное дело, не читал Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», поэтому не возразишь мне толково. Законы, то есть производное от государства, часто бывают спасительны.

– Кто такие «диванные мальчики»?

Энгельс и государственный аппарат оставили Юру равнодушным.

Из длинной, нарочито близкой к академической, речи Анны Аркадьевны Юра точно выхватил неизвестный ему термин. Она отчасти его проверяла, выхватит ли. Рассказала ему о знакомых мальчиках, об их зарубежных счастливчиках. О том, что в Японии настоящая эпидемия хикикомори, в просторечье хикки, – молодых людей, стремящихся к социальной изоляции. Они нигде не работают, не учатся, редко выходят из дома, живут за счет пособия или родителей. Их почти миллион и столько же стоят на грани перехода в хикки. Эта эпидемия не национально-японская, в Европе, особенно в старой Европе, тоже полно хикки. Но именно в Японии стали первыми изучать данное явление.

– Да это же скучно, целыми днями дрыхнуть или лясы точить, – хмыкнул Юра.

– Тебе было бы скучно, мне, надеюсь, большинству. А кому-то очень приятно, в кайф, как вы выражаетесь. И если лясы точить с интересными собеседниками, самому блистать? Поблистал, поблистал и чувствуешь себя умным и значимым. Удовольствие! И в эскапизме, уходе от действительности, тоже кто-то находит удовольствие. Опасная тенденция.

– Забавы богатеньких лентяев, – хмыкнул Юра. – Среди бедных наверняка хикки нет?

– Гораздо меньше, чем в среднем классе, – подтвердила Анна Аркадьевна.

– Людей, с которыми интересно разговаривать, очень мало, – заявил Юра с лихим юношеским максимализмом.

– И все они живут где-то далеко, какой-то необыкновенной, не кисловодской жизнью?

– Почему? – не согласился Юра. – У нас в автопарке есть дядя Паша, я многому у него научился. Эти ваши диванные мальчики! Нечего было жениться, если неспособные. Или если даже способные. Наверное.

«Эге, – подумала Анна Аркадьевна, – тут какая-то собака зарыта. Или полудохлый щенок».

От Татьяны Петровны она знала, что у Юры есть девушка с простым русским именем Анжела. За ужином в предыдущие дни мать спрашивала сына: «Ты сегодня к Анжеле?», мол, на свидание. Или сам Юра говорил: «Я к Анжеле, поздно буду». Когда Анна Аркадьевна спросила хозяйку про девушку, Татьяна Петровна не сразу нашлась с ответом, а потом сказала, что та *гладкая и практичная*. В добрейшей Татьяне Петровне зрели семена совсем не ласковой свекрови. И аргументы: «Ему-то двадцать первый годок только. Рано хомут надевать» – тут ни при чем. Либо твоя невестка (зять) такой же ребенок, как собственный сын (дочь), которым много прощается, либо взрослый человек, который должен соответствовать выдуманному тобой стандарту.

Юра подсел к Анне Аркадьевне, потому что та приехала из столицы, то есть из другой жизни. Она ездила на метро, ходила в театры и музеи, на шопинг в громадные и многочисленные торговые центры. И если даже сиднем сидела в кабинете, развивая науку, то у нее была возможность посещать и театры, и музеи, и торговые центры, и выставки, и еще много всякого. Она общалась с учеными, вела умные разговоры, которые для всех знакомых Юры все равно, что беседа на иностранном языке.

Анне Аркадьевне был прекрасно знаком подобный интерес провинциалов к столичным жителям. Его вызывало либо желание уесть, срезать, доказать, что они там и вы лично, извиняюсь, много о себе мните, а мы тут не лыком шиты. Либо этот интерес был продиктован искренним желанием узнать, как живется на другой планете, в суете, вечной гонке и при больших возможностях. Сама Анна Аркадьевна, провинциалка по рождению, треть взрослой жизни проведшая в медвежьих углах, долго относилась к первому типу, завистливо считала москвичей и ленинградцев снобами и утверждала, что только в областных городах и районных центрах сохранилась подлинная русская интеллигенция, именно там инкубатор национального человеческого материала. В пылу споров не замечала, что и себя причисляла к «материалу»

Высказавшись по поводу неправильной женитьбы, Юра замолчал. Анна Аркадьевна не задавала подстегивающих вопросов, паузы в разговоре с мальчиком не будили у нее внутреннего сострадательного беспокойства. Пусть сам заведет разговор о том, что его волнует, если увидел в жиличке человека, с которым можно быть откровенным.

– Анжела хочет, чтобы мы поженились, – сказал Юра, – и все такое. А я даже не знаю, люблю ли ее по-настоящему.

Он не спрашивал совета, размышлял вслух.

– Моему сыну перевалило за тридцать, давно пора создать свою семью. Я поделюсь с тобой своими страхами. Лёня приводит домой девочку: «Это Катя. Она работает в парикмахерской, которая у нас на первом этаже. У Кати будет ребенок. Мы хотим пожениться».

– Вы хотите сказать, – перебил Юра, – что моей маме не нравится Анжела?

– Так диалога у нас не получится. Во-первых, ты перебиваешь меня. Во-вторых, то, что я хочу сказать, я и говорю. Потрудись не искать в моих словах двойной смысл, подтекст. Если бы я разговаривала с твоей мамой, я бы поделилась с ней своим нынешним тренингом, самовнушением: избранники моих детей – некритикуемые создания. Если сын приведет лягушку, я наполню для нее корыто, если дочь выйдет замуж за хорька, я буду покупать ему… не знаю, чем хорьки питаются.

– Они хищники из семейства куньих, как ласки и горностаи. Питаются мелкими птицами и грызунами, также червяками и насекомыми.

«Да здравствует детская энциклопедия! – подумала Анна Аркадьевна. – С памятью мальчику повезло». И тут же вспомнился анекдот: была Василиса Прекрасная, вышла замуж за Ивана Дурака, стала Василиса Дурак.

– От куньих вернемся к тебе. Возможно, я зашла издалека, но ты должен извинить мою старческую болтливость. Пожилые люди, чтобы сказать о прогнозе погоды на день, начинают от царя Гороха.

– Ничего. И вы не старая.

«Ты стал на то место, мальчик, которое я тебе приготовила, общаясь с тобой строго и доверительно одновременно. Ты не представляешь, сколько таких мальчиков прошло через мои руки. И сколько понадобилось времени, чтобы понять, как завоевать ваше расположение».

– Мерси! – поблагодарила Анна Аркадьевна. – Итак, у нас, то есть у тебя сомнение, любишь ли ты по-настоящему свою девушку. Надеюсь, ты понимаешь, что даже если бы я была знакома с Анжелой лично, имела о ней мнение, я никогда бы не стала его высказывать. А ты, если позволишь себе выслушивать чужие мнения, тем более негативные, о своей девушке, смело вычеркивай себя из списка благородных мужчин, рыцарей и джентльменов. Это твоя жизнь и только ты в ней принимаешь решения, за которые несешь ответственность. Все-таки без преамбул мне никак не обойтись.

Юру подмывало что-то спросить или не согласиться, поспорить, но Юра удержался.

– Настоящая любовь, – продолжила Анна Аркадьевна, – тут нам придется прибегнуть к избитому сравнению. Кстати, затертые от частого употребления в быту, искусстве, особенно литературе, прозе и поэзии, образы часто несут все признаки аксиом. – Анна Аркадьевна мысленно похвалила Юру за быстро выработанное терпение, хотя если бы он попросил ее не растекаться мыслью по древу, то был бы совершенно прав. – Настоящая любовь-страсть похожа на болезнь, на лихорадку. Нужно быть эмоционально глухим, душевно тупым – деревом, бревном, чтобы не понять, что ты болен, что тебя лихорадит, что ты погибаешь без лекарства, из-за разлуки, даже короткой, с любимым человеком. Истинная любовь может быть основой счастливого брака. Но основа хорошей семьи не обязательно сокрушительная страсть.

Юра задумался, не уловил противоречия в последних фразах или ему эти противоречия были сейчас неважны. Анна Аркадьевна спросила себя, не слишком ли она *заакадемичела* свою речь. Не хватало только сказать: «Отдавая должное предыдущим выступающим, их аргу-

ментации, основанной на уважаемых, классических, но в современных реалиях далеко не бесспорных источниках, мы позволим себе привести данные последних отечественных и международных исследований, а также высказать предположения и гипотезы из них вытекающие».

В кармане Юриной куртки запел сотовый телефон.

Юра ответил на звонок, перемежал свои слова паузами, выслушивая обиженную Анжелу, чей голос до Анны Аркадьевны доносился как клекот встревоженной птицы.

– Я еще дома, задержался… Иду уже… Целый час ждешь?.. Ну, не получилось…

«Сейчас он извинится, – подумала Анна Аркадьевна, – скажет ей что-нибудь ласковое. Надо посоветовать ему уменьшить громкость телефона».

– Тогда давай завтра? – спросил Юра. Выслушал длинную трель. – Ладно, иду уже… Сказал, иду!

3

На следующий день после ужина Анна Аркадьевна и Юра вместе вышли на улицу и сели на лавочку. Юра спросил, какие специальности выбрали дети Анны Аркадьевны. Неожиданно для себя она стала говорить доверительно, словно собеседником был кто-то из близких, например, мама, с которой можно поделиться сомнениями и тревогами, а не только хвастаться успехами детей. Двадцатилетний Юра никак не годился для равного общения, но все-таки, как и Анна Аркадьевна для него, был чужим человеком, откровения с которым не расползутся. Таким людям, вроде попутчиков в поезде, исповедуются не для того, чтобы услышать совет, а чтобы услышать себя самого, проверить свои идеи, заключения и выводы. Можно в уме зубрить таблицу умножения, думать, что выучил ее, но проверить – только вслух, решая примеры.

Дочь Люба учится в медицинском. Из нее выйдет хороший врач. Вряд ли гениальный диагност или хирург. Ничто экстраординарное Любане не свойственно, звезд с неба она никогда не хватала. Она добрый, ответственный, внимательный человек, а врач, обладающий подобными качествами, часто эффективнее, чем тот, у кого семь пядей во лбу. У Любани сейчас сложный период, тяжелое эмоциональное испытание. И речь вовсе не о несчастной любви. Люба – волонтер в детской клинике паллиативной медицины. Безнадежно больные дети, умирающие, их родители, психические истощенные от горя. Это очень страшно, трудно, и надо научиться прятать свой страх, спокойно и доброжелательно говорить, когда горло стискивают слезы. Не струсить, не сбежать, не спрятаться и в то же время не очерстветь.

– Забавно, – улыбнулась Анна Аркадьевна, – что Любаня пошла в эту клинику, когда на практике в больнице какая-то пациентка назвала ее «доброй деточкой». Любаня решила, что доброта будет мешать в профессиональной жизни, так как свидетельствует о незакаленности характера.

– Моя мама тоже очень добрая, – сказал Юра. – Но я думаю, она не смогла бы работать в клинике, где каждый день умирают дети. А ваш сын? Лёня, кажется?

Лёня вызывал гораздо больше тревог. Потому что, имея перспективную надежную работу, мечтает стать артистом. Когда блистал в студенческом театре, в команде КВН, было очень мило. Когда решил бросить институт, поступать в театральный, родителей чуть не хватил удар. С большим трудом Илья Ильич и Анна Аркадьевна вырвали у сына обещание, что сначала он окончит институт, получит диплом, а потом уже будет ломать свою судьбу. Лёня снялся в нескольких эпизодах, играет в молодежной самодеятельной студии.

– Чем вам не нравится профессия артиста? – удивился Юра.

– Тем, что она делает из мужчин женщин, вырабатывает потребность нравится, кривляться, тужиться и всем угождать. Тем, что она сильно зависит от везения и чужой воли – режиссера или продюсера. Мне, учительнице, скажем, противно работать в этой школе под началом директора-самодура. Я напишу заявление и уйду в другую школу, дети везде дети. Артист же, если он хочет быть знаменитым, а хотят все, или даже не знаменитым, но хотя бы иметь роли, должен ходить на цырлах перед режиссером, будь тот и последним подлецом. Артистов в России тысячи, я пыталась выяснить: не менее двенадцати тысяч. Скольких мы знаем? Два десятка, пять десятков знают те, кому положено по должности. Остается одиннадцать тысяч девятьсот пятьдесят. И все они… – Анна Аркадьевна не могла подобрать слова.

– Неудачники? – подсказал Юра.

– Можно и так назвать людей, которые смотрят глупый сериал и бормочут, что, мол, я бы мог сыграть гораздо лучше. Этому, на экране, просто повезло.

– Вы не знаете, сколько в России писателей? – спросил Юра.

– Понятия не имею.

– Сто двадцать тысяч! А сколько известных? Я где-то слышал чью-то фразу, какого-то поэта. Он сказал, что писал бы и для десятка читателей, и для двух, он бы писал только для себя самого.

Анна Аркадьевна повернулась и внимательно посмотрела на мальчика. Ей не приходила в голову мысль, что ее утверждение, давно и настойчиво пропагандируемое: ребенок, подросток, человек имеет право быть счастливым по-своему – относится и к ее сыну.

– Ты прав, Юра! Родительское ханжество ядовитее *чистоглазого* вранья политиков, хотя то и другое рядится в одежки добрых намерений.

– Дядя Паша рисует котов, – сказал Юра.

– Кого? – не поняла Анна Аркадьевна.

– Кошек, домашних животных. Дядя Паша – слесарь, каких поискать, он вообще – золотые руки. Но не практичный. Котов рисует вместо того, чтобы копейку зашибать. Все считают – чудит. Жена ругается. Она у него хорошая. Ругается, но краски покупает.

– Как любопытно! – заинтересовалась Анна Аркадьевна. – Можно посмотреть его котов?

– Не знаю, – пожал плечами Юра. – Я спрошу. Мама вам хвасталась, какой я умный был в детстве?

С дальних подступов разговор он затеял не потому, что уж очень интересовался детьми Анны Аркадьевны, а потому что примеривал их жизнь на себя.

В детстве человек ощущает себя центром мироздания, вокруг которого крутятся важные фигуры вроде мамы и менее важные, но все равно как бы личные, *для меня*. В юности огромный мир обрушивается на тебя, точно где-то на небесах лопнул мешок с костюмами, масками, гримом, и ты примеряешь все это на себя. Приходишь в отчаяние, когда классический цилиндр сидит на тебе как клоунская шляпа. Россыпь прыщей на лбу – повод возненавидеть весь мир и Таню Соколову, которая кривоногая дура, а не объект ночных томлений. Память об этих переживаниях относится к легкостираемым, поэтому родители ничего не помнят про себя-подростков. И только редкие писатели, обладающие даром чувственной памяти, напишут, что отрочество – самый жуткий и мучительный период жизни. Толстой назовет его пустыней.

Юре, конечно, уже не грозит суицидальный припадок, а эмиграция в наркоманию или пьянство вполне грозит. Он еще не нашел себя и, сколько ни хорохорься, зависит от мнения окружающих, жаждет его услышать. Будто можно понять себя с помощью подсказки. Как на уроке, отвечая у доски, избежать двойки благодаря шепоту с третьей парты. Мир еще вокруг него и для него, а не он в мире, как крохотная точка. Потом он повзрослеет, кровеносные сосуды тела склерозируются и так же забьются, потеряют трепет сосуды души. Если у души есть сосуды. Но должна ведь она как-то питаться. И насытиться, объесться. Анне Аркадьевне про нее саму никто уже ничего нового не мог сказать. Она уже все слышала.

– Твоя мама не хвасталась, а отвечала на мои вопросы. Ты рано начал говорить, сам научился читать. А дальше я все знаю безо всяких рассказов твоей мамы. В младших классах все было так-сяк, но, в общем, терпимо. В средних… Кто? Учитель математики или русского-литературы?

– Математичка.

– Она тебя терпеть не могла. Скажу больше, теперь-то ты взрослый, она тебя ненавидела биологически, как другой вид, способный уничтожить ее вид. Но ты давал все основания тебя ненавидеть. Лез с вопросами, ловил ее на ошибках и оговорках, решал быстрее других, мешал остальным ученикам, превращал уроки в дуэль учителя и сопливого зазнайки, выставлял ее на посмешище. Срывать уроки не позволено никому, поэтому ты всегда проигрывал. Тебе было скучно в школе, отчаянно, до сведения скул. Но ты не часто прогуливал. Потому что мама расстраивалась?

– Отец пил. А тут еще я.

– Нашел выход в том, чтобы стать задирой, провокатором, школьным хулиганом, врагом всем учителям. Мерзкой личностью, которая потешалась над девочками-отличницами. Вряд ли у вас были мальчики-отличники.

– Не было.

– Между тем девочки-отличницы, как правило, две девочки в каждой параллели, получили свои золотые медали заслуженно. Они трудились, учили, зубрили, когда другие голубей гоняли.

– И где теперь эти девочки? Одна на рынке торгует, а другая вышла замуж за грузина.

– Грузин – это синоним чего? Не уводи разговор в сторону, то есть от себя любимого. Я очень уважаю этих девочек, и мы говорим про их прошлое, а не настоящее, будущее пока неизвестно. Но абсолютно определенно эти девочки – золотой генофонд нации.

– Одна из них мне любовные записки писала.

– Как я должна реагировать на эту информацию? – хмыкнула Анна Аркадьевна. – Восхититься доблестью школьного хулигана?

– Это я к слову.

– К слову, у моего самого одаренного ученика, я тоже преподавала математику, Алеши Петелина, всегда из носа текла противная зеленая жидкость. Я пришла к ним в седьмой класс, а кличка Сопля у Алеши была уже давно. Алеша Петелин был не просто способный мальчик, он был маленьким гением. Я с ним некоторое время занималась отдельно. Скорость усвоения материала у него была невероятной. Способность находить нетривиальные решения вгоняла меня в прострацию. От того, что столкнулась с чудом, у меня начинали дрожать руки. Через некоторое время моего мужа перевели в другую воинскую часть, мы уехали из этого городка. Спустя много лет приехавшая в Москву подруга молодости рассказала, что они снова служат в той части, ее муж теперь командир. И она видела Алешу Петелина, которым я когда-то восхищалась. Алеша работает на деревообрабатывающем комбинате, таскает бревна. По-прежнему откликается на кличку Сопля.

Анна Аркадьевна не стала рассказывать, как несколько раз вызывала маму Алеши, которая была из местных жительниц, как ходила к ним домой, говорила про его одаренность и про то, что у него наверняка какое-то заболевание носовых пазух вроде гайморита, что мальчика надо показать врачам. Мама Алеши отмахивалась: «Да, в деревне все дети всегда были сопливые!» Показать врачам – это ехать к оториноларингологу за сто километров. Анна Аркадьевна сама повезла мальчика в областную поликлинику. Хроническое воспаление у Алеши зашло так далеко, что требовалась сложная операция и длительное лечение. Алешу положили в больницу, на последние деньги Анна Аркадьевна купила ему пижаму, смену белья, туалетные принадлежности. Домой добиралась на попутках.

Потом случился грандиозный скандал. Мать Алеши ходила к директору школы и к командиру части, орала в кабинетах, что «эта финтифлюшка» много на себя берет, выставляет ее плохой матерью, лезет в их семью, портит мальчишку и хочет забрать ребенка из семьи. Анна Аркадьевна действительно написала письмо в Колмогоровскую физико-математическую школу при МГУ. Именно там Алеше следовало учиться, таких детей колмагоровцы искали по всей стране. Директор школы отсиделся в кустах, пообещав скандалистке «принять меры». Это было его любимое выражение, на каждом педсовете десять раз звучало: «Товарищи педагоги, мы должны принять меры!» Дальше призывов дело никогда не шло. Подкаблучник командир части, хуже всякой бабы, обожал сплетни, интриги и копание в чужом грязном белье. Он потребовал устроить заседание женсовета части с повесткой дня «О поведении жены лейтенанта Павлова». Возглавляла женсовет, как было принято, жена командира гарнизона – чванливая любительница подхалимов.

Анна Аркадьевна тогда еще не умела выступать перед взрослой аудиторией и наивно полагала, что искренность и правда всегда победят. После ее речи на лицах женщин застыла странная гримаса, которую Анна Аркадьевна не сразу расшифровала как ревнивую зависть.

Помогла командирша:

– Значит, какой-то Сопля – гений, а наши дети так себе, середнячки и двоечники? А может, дело в том, что Анна Аркадьевна слишком много времени уделяет так называемому «новому Ломоносову» в ущерб остальным ученикам?

Женщины закивали: командирша выразила общее мнение. В довершение всего председательница женсовета сказала, что надо рекомендовать командиру части (о собственном муже – в третьем лице) присмотреться и к лейтенанту Павлову, как он выполняет свой офицерский долг, если в семье подобная обстановка.

И начался кошмар. Травля, косые взгляды, вчерашние приятели неразлейвода тебя избегают, обходят стороной. Среди тех, кто не струсил, оказал поддержку, была семья Казанцевых. Поэтому Анна Аркадьевна, когда ей нашептали, не могла поверить, что виновница всего – Валя Казанцева. Одни видели, как Валя беседует с мамой Алеши, другие слышали, как женщина благодарит Валю, что *открыла глаза*. Третьи утверждают, что Валя потешалась над *влюбленностью* Анны Аркадьевны в Соплю. Городок небольшой, общество практически закрытое, спрятаться невозможно. Анна Аркадьевна в штыки принимала доносчиков-доброходов. Только их сочувственные взгляды вынудили пойти к маме Алеши. Та еще особа. *Ой, спасибо вам! Руки целовать готова, ноги мыть и воду пить! Лешку из больницы забирали, доктор сказал, что вовремя кинулись, спасли. А то бы гной в мозг, и дурак на всю жизнь или помер*. Анна Аркадьевна прямо спросила, был ли у нее разговор с классной руководительницей 7-го «А» Валентиной Сергеевной. Был, *по душам, как мать с матерью*. Мол, Анна Аркадьевна, возможно, не права, что оттирает родную мать, выставляет ее врагом собственному ребенку, и неизвестно, будет ли ему лучше, когда увезут в Москву, в интернат, который, конечно, не детдом, но разве может что-то сравниться с родным домом.

«Увезут, – стучало в голове у Анны Аркадьевны, когда она шла домой. – Увезут, – застряло как на пластинке. – Словно на каторгу. А не в другую жизнь, которой этот несчастный мальчик заслуживает».

То был первый звоночек от Вали. Потом они раздавались с нерегулярной периодичностью. Муж Илья не может слышать ее имени. Если бы они жили в диком обществе, доисторическом или в постапокалиптическом, Илья удавил бы Валю собственными руками и с выражением громадного удовольствия на лице.

– Вы хотите сказать, что я буду как тот Сопля? – спросил Юра.

– Я хочу сказать, что ты опять говоришь мне про то, что я хочу сказать, – досадливо сморщилась Анна Аркадьевна. – В чем тогда смысл нашей беседы?

– Извините!

– Во-первых, я не имею понятия, обладаешь ли ты, обладал – точнее – такими же способностями, как Алеша. Вряд ли. Во-вторых, любознательных и способных детей очень много. Определить, рано определить, кто из них по-настоящему одаренный, необычный, гений, крайне сложно. Нам понадобилось много лет, итоговый документ мы назвали обтекаемо «Рабочая концепция одаренности». И стопроцентной уверенности не будет никогда. Это правильно и справедливо. На ребенке нельзя ставить клеймо. Пусть этим тешутся фантасты с их чудотестами на генный статус. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что хорошие фантасты в подобной раздаче будущей судьбы видят зло. На ребенке нельзя ставить клеймо! – повторила Анна Аркадьевна.

– А на взрослом человеке? – спросил Юра.

– Иногда приходится.

– Какие пункты в той концепции одаренности?

– Сейчас начну перечислять! – пожала плечами Анна Аркадьевна. – Сведения не секретные. Зайди в Интернет и прочитай. Хочется чего-нибудь попить.

– Принести компот? – вскочил Юра.

– Нет, спасибо! Ваш нарзан вызывает странные желания. Чего-то горького и газированного. Пива! Мне хочется пива, – удивилась сама себе Анна Аркадьевна. – Я же к нему совершенно равнодушна.

– Сгоняю в киоск, тут недалеко. Подождете?

Анна Аркадьевна встала, направилась к калитке:

– Гонять не нужно. Пройдемся на пару. Так можно сказать? У меня швах с русским языком, да и с иностранными тоже. Я могу зазубрить, понять логику, правила. Всю жизнь этим занимаюсь. Но в языках такое количество исключений, что логика чахнет. Филологам нужно иметь слух, как в музыке. Ах, какая это удивительная область – языкознание! А сравнительное языкознание! Песня! Симфония! Всегда смотрела на филологов с завистью. Никому не завидовала, а пред ними преклоняюсь. Хотя, между нами, некоторые из них не помнят даже теоремы Пифагора, а подобные треугольники считают равными. Нам направо, в гору? Очень хорошо. На обратном пути-то вниз.

– Когда я писал сочинения или диктанты, – Юра напомнил, вольно или невольно, что все речи должны крутиться вокруг него, – ошибок не делал.

– Скажи спасибо свои предкам, а твоей заслуги тут нет. Хорошая зрительная память. Ты один раз увидел вывеску, слово «продукты», оно отпечаталось в твоем мозгу, и ты всегда будешь писать правильно. Слов не так много, большинство встречаются, особенно ребенку читающему. У меня ничего не отпечатывалось, я во время диктанта не знала, как правильно «прадукты» или «продукты», «карова» или «корова», в слове «карандаш» пропускала букву и не замечала, для меня «крандаш» это был вполне себе «карандаш». Мне приходилось заучивать. Сколько времени я зубрила то, что другим давалось играючи! Я из тех самых девочек-отличниц.

– Ага, золотой фонд нации.

– Юноша! Десять лет в школе не научили вас тому, что язвить в адрес взрослых вообще, педагогов в частности некрасиво, невоспитанно, неделикатно. Попросту, объясняю для тугодумов, это хамство.

– Извините, конечно! Но… вы правда так считаете?

– Вместе со мной все культурное общество. Кто такой хам, как ты полагаешь?

– Какой-то библейский мужик, который плавал на ковчеге Ноя.

– Странное у вас освещение улиц. На одних есть фонари, на других отсутствуют. Будто раздавали премии. Передовикам производства – светлые улицы. Что-то мне расхотелось пива. Повернем назад? – остановилась Анна Аркадьевна.

Юра правильно истолковал ее нежелание двигаться дальше и вести беседу.

– Снова простите? Я все время перед вами извиняюсь как… как хам… на исправлении. Некрасиво, невоспитанно, неделикатно отталкивать хама, который желает перевоспитаться, – не удержался он от цитирования слов Анны Аркадьевны. – Не обижайтесь, пожалуйста! Осталось совсем немного, метров триста, за тем поворотом киоск. Хам – это человек, который плюет туда, где остальные люди хотят видеть чистоту.

– Верно! – похвалила Анна Аркадьевна и двинулась дальше. – Пренебрегает культурными запретами. Рядом с моим домом сквер: деревья, кустики, дорожки, лавочки. Около каждой лавочки стоит урна, как правило, пустая. Почему после выходных вокруг нее все усеяно окурками, пустыми бутылками, обертками? Разве трудно сделать один шаг, протянуть руку? Мы как-то гуляли с мужем, я рассуждала на тему феномена хамства. Он сказал, что никакого феномена нет, это просто незрелые помидоры. Муж сейчас увлечен дачей и все его сравне-

ния из области сельского хозяйства. Зреют на ветке помидоры, и вдруг один из них, зеленый, почему-то отваливается, падает на землю. Это и есть хам – незрелый плод, который вряд ли покраснеет. Применительно к людям – остановившийся в развитии, в усвоении правил культуры человек. Юра, ты не поверишь! Я подбирала падалицу помидоров и пыталась заставить их созреть дома. Педагог – это диагноз.

– Хам боится только боли, наказания.

– А кто их не боится?

Они подошли к ярко освещенному киоску, стеклянный фасад которого был заклеен выцветшими этикетками продаваемой продукции. Мороженое, печенье, газированная вода, жевательные резинки. Пиво не рекламировалось. Как и сигареты, которые купил мужчина, отошедший от киоска. Общение продавца и покупателей осуществлялось через небольшое окошко. Чтобы заглянуть в него, требовалось согнуться в три погибели. Когда-то, вспомнила Анна Аркадьевна времена своего детства и молодости, такие окошки были везде: на почте, в сберкассе, в регистратуре поликлиники, в кассе по продаже авиа- и железнодорожных билетов. «Словно кто-то мог их ограбить, – подумала она. – Словно стекло с форточкой могло защитить от ограбления. Неужели, чтобы унизить нас, заставить принять просительную позу? Хорошо, что это кончилось. Мы больше не кланяемся тем, кто нас обслуживает и от нас зависит. Мы разогнулись и не заметили. Только в столице разогнулись?»

Юра пошептался с продавцом, повернулся к Анне Аркадьевне, назвал марку светлого пива, спросил, подойдет ли.

– Вполне, – кивнула она.

– Только я деньги забыл взять, – признался Юра.

– У меня тоже нет, – развела руками Анна Аркадьевна. – Да и ладно! Не судьба.

– Нет, погодите!

Он снова склонился к окошку и стал уговаривать продавца. Анна Аркадьевна отрывочно услышала: «Ты что, мне не веришь?.. Ты что, меня не знаешь?.. Я тебе через час с процентами принесу! На сотню больше…» Подошедшие новые покупатели с любопытством посматривали на Анну Аркадьевну. Она закусила губу, чтобы не рассмеяться. Хорошенькая картина. Молодой человек привел тетку, которая годится ему в матери. Тетке захотелось пива, а денег у них нет. Что такого в этой старухе, что на нее позарился парень? Ничего особенного, друзья, кроме вдруг возникшей тяги к легкому алкоголю.

Юра отошел от киоска с двумя банками – пива и колы.

– У нас в семье, – говорила Анна Аркадьевна на обратном пути, – колу называют «черной водой империализма».

– Тогда квас – напиток русской общины, утеха славянофилов.

– Ты интересуешься историей?

– Всем понемногу интересуюсь.

Анна Аркадьевна помнила, что Юра общается с ней, прежде всего, потому, что хочет узнать что-то новое про себя самого. И игнорировать его надежды нечеловеколюбиво. Поэтому когда они вернулись, сели на лавочку, стали потягивать каждый свой напиток, она заговорила о недавней сцене у киоска.

– Ты мог повернуться и уйти, когда выяснилось, что мы не можем расплатиться. Верно, Юра? Но ты стал добиваться, искать способы получить желаемое. По моим наблюдениям, в достижении мелких бытовых целей, а также мелкой мести за нанесенное оскорбление люди делятся на два типа. У меня привычка все и вся классифицировать. Первый тип никогда не уйдет из конторы, куда пришел за справкой, а у них *до конца рабочего дня пятнадцать минут*, не покорится проводнице поезда, *которая не виновата, что двойные билеты, а тут уже сидит пассажир*, и не отправится на другое, худшее, место, не промолчит, если в транспорте ему отдавят ногу без извинений. Эти люди переживают приступ немедленной потребности

самоутверждения при малейшей угрозе их честолюбию. Второй тип живет под лозунгом «Что поделаешь?». Приду за справкой завтра и снова отстою два часа в очереди, тот человек, действительно первым занял нижнюю полку, а тот, кто отдавил мне ногу и навечно испортил новые туфли, ведь не специально хулиганил.

– К какому типу я отношусь, понятно, – сказал Юра.

– Самое забавное в том, что первый тип – это не обязательно люди, способные ставить перед собой по-настоящему большие цели и достигать их. По мелочам они герои, по кочкам, по кочкам скачут, а на вершины голов не поднимают и не замахиваются. С другой стороны, среди выдающихся людей каждый второй – пугливая, трусливая рохля.

«Я же хотела похвалить его, – упрекнула себя мысленно Анна Аркадьевна, – а вырулила черт знает куда».

На ее игру в классификацию Юра ответил достойно:

– Вы хотели пива. Вы наша гостья. Вот и все.

– Теперь я должна перед тобой извиниться за лукавое мудрствование. Может, нам время засекать? Каждые десять минут один у другого должен просить прощения.

– Следующая моя очередь? – рассмеялся Юра.

Если бы он был лет на тридцать старше, Анне Аркадьевне пришлось бы признать, что она флиртует, кокетничает, а Юра с удовольствием включается в игру. Но подобные подозрения из области фантастики. Связи пожилых женщин с молодыми людьми, как и неразборчивость в связях вообще – это не про Анну Аркадьевну. Она могла смотреть на подобную экзотику с интересом посетителя зоопарка. Она была брезглива, и женская брезгливость для нее равнялась женской чести и достоинству. Недаром ведь говорят, что отсутствие брезгливости – профессиональное требование проституток. «Ты слишком гордая, – когда-то сказала ей Валя Казанцева, – а гордые яблок, самых сладких, ворованных, не пробовали».

Укладываясь спать, лежа на спине, чтобы жирный, «антивозрастной» крем не отдал свою силу наволочке, Анна Аркадьевна думала о своем общении с Юрой. Окажись на его месте Алеша Петелин, было бы о чем говорить? Алеша – это ее грех, преступление, за которое не полагается наказание, трусость, которая в том обществе была нормой поведения.

Юра интересный мальчик. Безусловно, обладает чарующей мужской магией. Не определить точно, откуда она проистекает: из серых глаз, обрамленных длинными черными ресницами, с выражением внимательным и чуть удивленным, словно он впервые встретил такую красивую женщину, он восхищен и плохо прячет свое восхищение; от его улыбки – легко будоражащей полные, почти женской пухлости губы. Кажется, что им, губам, щекотно и хочется до них дотронуться, почувствовать вибрацию. Женщины, старые и молодые, безусловно, к нему липнут. Татьяна Петровна говорила *от девок никогда отбоя не было*. Потому что зажигались рядом с ним, становились ярче, интереснее, прежде всего, и главное, интересны сами себе, нравились сами себе. Юра вовсе не милый обояшка, с которым приятно поболтать как с подружкой. Нет, внутренний мужской стержень, основа, твердая и отчасти дикая, бесспорно сексуальная, ощущается безошибочно. Как бы в противоречие с сексуальностью, он пробуждает материнский инстинкт. Уж если кого любить, оберегать, то только его. Рождаются ведь такие дьяволята! Ума палата и бездна обаяния.

Вдруг ее Лёня такой же? Она не может объективно, со стороны оценить сына, он для нее навечно ребенок. Илья балует дочь, плавится от ее легкораздаваемой ласки, радуется исполнить любой каприз, а с сыном излишне строг и требователен. Хоть внял просьбам Анны Аркадьевны, не называет Лёню в минуты гнева презрительным *Артист*!

Их ссоры, придирки отца, ответная агрессия сына бывают отвратительны.

– Я в твои годы уже командовал ротой.

– Кое-кто, папа, в нынешние твои годы дослужился до генерала или маршала.

– Что ты хочешь этим сказать? – кипятился Илья Ильич.

– Ничего личного! – отвечал с ехидной улыбкой Лёня. – Как известно, генералы всегда готовятся к прошлой войне. Поэтому хорошо, что ты не в чинах.

– А ты до седых волос будешь держаться за мамочкину юбку!

– Случайно твое нагретое место не занимаю?

– Немедленно прекратите! – выходила на линую огня Анна Аркадьевна. – Петухи! – Кстати, педагоги дадут фору любым генералам. Чему мы учим детей в школах – это не вчерашний, а позавчерашний день. Масса бесполезных знаний вместо привития важных навыков.

Надо бы найти статью, в которой шла речь про совместную жизнь взрослых детей с родителями. Когда-то встречалась. Матери отлично уживаются с сыновьями, отцы – с дочерями. Мать и дочь способны возненавидеть друг друга, отец и сын – дойти до поножовщины. Там был исторический ракурс про деления крестьянских хозяйств, которые иногда случались после того, как взрослый семейный сын шел с топором на отца. Социологическое исследование, значит, никаких советов и рецептов. Да и какие могут быть рекомендации? Только разъехаться. Из-за Ильи. Она-то прекрасно чувствует себя с детьми, потому что сохраняется материнская бытовая забота – как продление молодости.

4

Через неделю курортная жизнь Анны Аркадьевны приобрела ритм, график, расписание. Она всегда предпочитала четкий распорядок будничных дней и не любила вывихов, отклонений и сюрпризов. Считала, что режим – основа правильного воспитания детей. Хотя признавала, что жизнь по часам, по звонку напоминает пребывание в детдоме, тюрьме или концлагере. Поэтому приклеенное на стенку «Расписание дня» в детской комнате включало в себя перед «Отходом ко сну» «Вспомнить доброе дело, тобой сегодня совершенное», а «Пробуждение» в семь утра имело приписку: «Потянуться хорошенько! Сказать вслух: “Меня ждут великие дела!”» Последняя фраза стала поводом для бесконечного нытья, ерничанья и насмешек.

– Мама, мама! – вопил Лёня. – Меня ждут великие дела, а Люба в ванной засела!

– Мама! – голосила Любаня. – У меня сегодня контрольная по русскому, великие дела, а я не могу найти свою счастливую шариковую ручку! Ее Лёнька спер!

– Так! – нетерпеливо позвякивал ключами от машины в коридоре муж. – Тем, кого ждут великие дела, дается еще две минуты. И я ухожу, шагайте до школы на своих двоих! У меня тоже свои великие дела!

Анна Аркадьевна, любительница порядка и расписаний, носилась по квартире, впихивала в детей и мужа завтрак, искала счастливую ручку, уговаривала мужа: *пару секунд, пожалуйста*! Она уходила из дома последней, имела право на заслуженную чашку кофе в тишине и спокойствии. Пушкин сказал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Насчет счастья он погорячился, покой и воля тоже счастье. Фигуры речи – коварные стекляшки, которые прикидываются драгоценными камнями. Однажды, будучи в хорошем настроении, Илья Ильич кивнул в сторону туалета, в котором засела гостившая родственница: «Ты уверена, что великие дела – это не запор?»

Разговаривая по скайпу вечером с мужем, Анна Аркадьевна докладывала ему свое сложившееся курортное расписание. И не подумала о том, что последние пункты могут испортить Илье настроение.

– После ужина я сижу на скамеечке с милым мальчиком Юрой, сыном хозяйки. Мы ведем с ним беседы. Отправляемся на прогулку по пересеченной местности к киоску. Кисловодск славится своими терренкурами, длинными пешеходными тропами, но я не стремлюсь их покорить. Хотя утром иду до санатория пешком, а вечером до киоска. Мы покупаем для меня пиво, представь, я каждый вечер выпиваю банку пива! Юра предпочитает черную воду империализма.

Илья Ильич заревновал. Спросил нарочито просто, как бы между прочим:

– Сколько лет милому мальчику?

«Здравствуйте, грабли!» – мысленно чертыхнулась Анна Аркадьевна.

Семейная жизнь – это склад персональных граблей. Вечного двигателя не существует, а вечные личные грабли, на которые мы обречены наступать, как ни берегись, всегда к услугам, только лоб подставляй.

Ведь она, Анна Аркадьевна, давно поняла, что ревность Ильи – это даже не черта характера, а потребность души. Потребность ревновать всегда найдет объект – коллегу по работе, соседа по даче, артиста на сцене, малолетнего Юру. Исчезни люди, муж стал бы ее ревновать к деревьям, облакам, солнцу.

– Младше наших детей, – ответила Анна Аркадьевна тем тоном, который Илья Ильич был обязан прочитать как недовольство его вопросом. – Очень интересный мальчик. Представь, прочитал все, что нашел в Интернете об одаренных детях, в том числе мои работы. Ана-

лизирует, примеряет к себе. Я с любопытством наблюдаю этот процесс. Стараюсь в общении с Юрой найти баланс между занудным менторством и вдохновительным энтузиазмом.

– Стараешься, – повторил Илья.

«Выхватил угодное ему слово, каждое лыко в строку», – подумала Анна Аркадьевна.

– Илюша, я все время думаю, – перевела она разговор на другую тему. – Не слишком ли мы жестоки с Лёней? – Она специально употребила «мы», чтобы сделать общими придирки мужа. – Его судьба, его жизнь, он взрослый человек. Мы ведь не стали бы ставить условия, возводить ограды, заставлять двигаться, как нам кажется, по правильной колее будь это другой взрослый человек. Благими намерениями… а уж у родителей намерения всегда в десятой степени благие.

– Тебя *милый мальчик* к этим мыслям подвигнул?

– Совершенно верно! – Анна Аркадьевна приблизила лицо к монитору, чтобы муж разглядел ее возмущение.

– Что я такого сказал? Ты не злилась бы, если бы не было повода.

– И теперь у меня есть замечательный повод пожелать тебе доброй ночи!

Она отключилась, не дождавшись ответного прощания. И, кажется, Илья сказал что-то вроде *да я шутил*!

Может быть, в самом деле дурачился? Потешался над своей ревностью? Былой. Ну, не полный же он кретин, чтобы допустить возможность ее курортного романа с мальчишкой? Однако, если тебе настойчиво твердят несусветное, например, что солнце встает на западе, а через много лет заявляют, что все-таки на востоке, ты не веришь, всю жизнь-то был запад.

Анна Аркадьевна вышла на улицу, чтобы охладиться и успокоиться. Лавочка была занята Юрой и Анжелой. Последние дни девушка не видела своего кавалера и вряд ли могла предположить, что он променял жаркие объятия на беседы с пожилой теткой. Измучалась, наверное, пришла развеять страшные предположения или утвердиться в них. Анна Аркадьевна замерла, боясь быть обнаруженной, прервать милый диалог. Анжела жаловалась Юре на Юру, а он утешал ее безотказным мужским приемом: называл дурочкой и целовал.

Анна Аркадьевна тихо вернулась обратно. Она улыбалась, и настроение ее благодаря подсмотренной сцене вдруг улучшилось. Всюду жизнь.

Весной Илья, наблюдая за всходами семян, радуясь прижившейся бодрой рассаде помидоров, перцев и баклажан – его трудам, которым предшествовало зимнее изучение литературы и общение на сайтах садоводов-огородников, лучился, словно *растюхи* (так ласково называли в Интернете меленькие побеги) были живыми, вроде умилительных маленьких щенков или котят.

– Всюду жизнь! – говорил Илья. – Анечка, кому из великих принадлежит эта фраза? Кто сказал?

– Насколько мне известно, нарисовал, в смысле написал картину «Всюду жизнь» художник Ярошенко. Заключенные, этапируемые в ссылку или на каторгу, стоят в вагоне у зарешеченного окна, бросают на перрон крошки птицам, наблюдают, как те клюют.

Анна Аркадьевна шла за мужем, инспектирующим свои владения. Он присел у грядки с ранней капустой.

– Если про *всюду жизнь* никто не сказал о том, что тянется из матери-земли, то считай меня первым. Капуста любит калий, надо удобрить. И не переборщил ли я с золой? Навоз точно не нужен.

Илья поднялся. Он думал про капусту, навоз, калий и золу. Анна Андреевна обняла мужа за талию, прижалась к его груди:

– Как я люблю тебя! Ты у меня созидатель, творец жизни.

– Продолжай любить, – чмокнул он ее в макушку, – даже если мою капусту сожрет тля, крестоцветные клопы или трипсы.

– «Крестоцветные трипсы» звучит как элемент украшения дизайнерской одежды, вроде бисера или, бери выше, страз Сваровски.

Оставаясь равнодушной к огородным утехам, Анна Аркадьевна радовалась, что муж за несколько лет до пенсии нашел себе увлечение. Пусть странное и неожиданное: Илья вырос в городской семье и прежде говорил про комнатные растения, что они похожи на сироток, усыновленных кем придется. Если бы он принялся вырезать лобзиком, чеканить, разводить голубей или писать книгу про Пунические войны, она бы радовалась точно так же. Потому что не хотела, чтобы он ушел в отставку с ощущением, что жизнь кончена, он отодвинут в сторону, выброшен на свалку. И превратился в приклеенного к телевизору брюзжащего ленивца с зудящим честолюбием. Они таких видели немало. *Когда мы служили… Не та армия, не та молодежь, не тот хлеб и колбаса. В наше время… Профукают страну… Куда ни ткни пальцем – гниль, что олигарх, что политик…*

– Жить рядом с увлеченным человеком, – Анна Аркадьевна поманила мужа пальцем, чтобы склонился, шепнула на ушко: – Эротично!

Илья расхохотался:

– Извини, сейчас не могу! Мне еще клубнику обрабатывать.

– У-у-у! – якобы разочарованно, выпятив нижнюю губу, протянула Анна Аркадьевна. – Тогда я пойду варить щи. Кому клубничка, а кому морковку чистить.

Этот их разговор был игрой, в которой сексуальные намеки были уже фишками на поле, а не порывом, мгновенной реакций, как в молодости. В молодости намеков не требовалось, было бы укромное место и чуток времени. Однако и в подсмеивании над прошлой ненасытностью была прелесть, пусть старческая, но ведь веселая.

Анна Аркадьевна вернулась в свою пристроечку, совершила вечерний туалет, умылась, почистила зубы, нанесла на лицо ночной крем – якобы питательный, отвратительно плотный и не ароматный, он ощущался как жирная противная маска, которую хотелось немедленно стереть. Крем был куплен на фермерской ярмарке, изготовлен каким-то народным целителем (как гласила табличка), который стоял за прилавком и уныло тосковал. Никто не соблазнился ни его снадобьями от разнообразных болезней, ни мылом на травах, ни натуральной косметикой. Анне Аркадьевне стало жаль целителя, у него было убитое лицо пророка, не обретшего паству. Что, если целитель перепутал наклейки, и крем этот для пяток?

Она не спросила мужа о визите в *застенки гестапо*. У него расшатался зуб-имплант по стоимости, как они называли всякую несусветную дорогую вещь, *крыла самолета*. И с гарантией на полвека. Хорошенькая гарантия для человека, которому в следующем году исполнится шестьдесят! Можно сказать, абсолютная.

Ее злость на мужа растворилась без следа. Он сейчас лежит в одинокой постели, таращится на потолок и страдает, дурашка. Анна Аркадьевна взяла телефон и отправила мужу SMS: «Хоть ты и тиран, диктатор и воинский начальник, я все равно тебя люблю! Спокойной ночи!»

Благо, мысленно похвалила себя Анна Аркадьевна, она не стала говорить мужу, что сегодня встречалась с Валей Казанцевой. Он решил бы, что Кисловодск – юдоль порока.

Валя звонила трижды. Она узнала, что Анна Аркадьевна в Кисловодске, вот удача, они с Бахой тоже здесь отдыхают. В правительственном санатории.

– Кто такая Баха? – спросила Анна Аркадьевна.

– Кто такой, – рассмеялась Валя, и смех был счастливым. – Бахадур, что в переводе с азербайджанского означает «богатырь, герой». Мой герой, избранник, спутник, бойфренд…

«Любовник», – мысленно подытожила Анна Аркадьевна, от встречи отказалась, сослалась на занятость лечением и необходимостью отдыхать от него. Валя позвонила снова, опять с уговорами.

Не отстанет, поняла Анна Аркадьевна. Если Вале чего-то хочется, она не успокоится, пока не добьется. Пожелала бы луну с неба, пусть ей азербайджанский богатырь достает светило, – и занесла телефон Вали в черный список.

Но на следующий день отменила карательную меру. Чего она боится? Что снова попадет в Валины сети? Так и будет бегать и прятаться, опасаясь не столько Вали, сколько собственной слабости? Это унизительно.

Валя позвонила третий раз, сказала, что послезавтра они уезжают, и Анна Аркадьевна приняла приглашение на обед в ресторане при санатории, который *даже Баха, а он та-акой гурман,* хвалит.

Санаторий, в котором лечилась Анна Аркадьевна, отличался от санатория для чиновников высокого ранга и просто очень богатых людей, как замызганный старый вокзал от дворца падишаха. В громадном вестибюле всюду мрамор, позолота, цветочные композиции, журчит фонтан, располагают присесть мягкие кожаные диваны, играют витринами бутики, откровенно и гордо пахнет роскошью.

Валя выглядела прекрасно, издалека можно принять за девушку, вблизи прибавишь десяток лет, но никак не дашь Валиных пятидесяти с большим хвостиком биологических. В отличие от Анны Аркадьевны, которая никакими косметическими утехами не тешилась, прикрывалась рассуждениями о достоинстве всего натурального и естественного, Валя на борьбу с морщинами и лишним весом тратила большие деньги: заработанные, подаренные поклонниками, взятые в долг. Но именно Валя когда-то сказала Анне Аркадьевне, что можно хоть всю кожу натянуть и на заднице узлом завязать, хоть с ног до головы исколоться ботоксом, питаться одной травой и не слезать с тренажеров, красит женщину только влюбленность. У нее будет лицо как печеная картошка, кожа на теле висеть растянутым баяном, но если она любима и влюблена, будет красавицей.

Получается замкнутый круг, ответила тогда Анна Аркадьевна. В печеную картошку влюбиться проблематично, значит, надо молодиться, чтобы представлять интерес, самой влюбиться, чтобы быть красивой. По этой теории, длительная, стойкая, духовная любовь-привязанность косметического эффекта не имеет. Требуется постоянно следить за товарным видом и регулярно влюбляться. Все это жутко утомительно. Кроме того, в фанатичной заботе о лице и теле есть нечто вульгарно материальное. Словно они, – лицо и тело, – какой-то посторонний объект, вроде медного самовара, который надо регулярно чистить, полировать, дабы сиял. Или, точнее, – костюм, который требуется постоянно штопать, утюжить и даже перешивать.

– Правильно! – кивнула Валя. – Уважающая себя женщина всегда хорошо, чисто, аккуратно и модно одета. Не будем показывать пальцем на тех, кому повезло с костюмчиком. У тебя прекрасные кожа и волосы, ты не толстеешь, хотя трескаешь пироги за обе щеки. Вот и нечего на нас, бездуховных, кривиться. И никто, добавлю, лучше шибко возвышенных натур не умеет так ловко прятать свою лень за многословными рассуждениями и хлесткими сравнениями.

Ныне Валя была на пике: ухожена и влюблена. Волосы выкрашены полосато: у корней темные, золотистые кончики кудрявятся. Косметики минимум. Этот минимум она наносит по два часа. Одета в кофточку простой вязки, точно подобранного приглушенно-розового цвета, будто намекающего, что высокая грудь под ним так же розова и соблазнительна. Узкие брючки подчеркивали талию, не тонкую, а зрело-женственную, от которой шли нехрупкие округлые бедра. Закачивался нижний этаж узкими щиколотками, погруженными в батильоны на высоких каблуках.

Анна Аркадьевна обнялась и расцеловалась с Валей, которая, отстранившись, сделала шаг назад, покрутилась: смотри, как я хороша.

– Хороша! – согласилась Анна Аркадьевна без зависти, словно хвалила нарядную девочку.

Сама Анна Аркадьевна под утепленной ветровкой имела черные джинсы без декоративных строчек, практически брюки, свободный темно-малиновый джемпер с V-образным вырезом, в котором виднелся белый в едва заметную полоску батник. Джемпер закрывал бедра, спускался почти до коленей. Анна Аркадьевна была ростом чуть выше Вали и нисколько не полнее. Она считала, что в их возрасте обтягивать нехрупкую фигуру так же вульгарно, как ходить в шортах, потряхивая целлюлитом. Судя по тому, как одевались сейчас многие женщины бальзаковского возраста, с Анной Аркадьевной они были не согласны. Вульгарность (по стародавним меркам) и Валя были настолько слиты, что уже превращались в новое состояние, за гранью хорошего (старого) вкуса, в нечто гармоничное, цельное и привлекательное.

Валя бурно радовалась их встрече, изображала девичью восторженность, едва ли не прыгала на месте. Она всегда тонко чувствовала реакцию других людей. Если, конечно, желала чувствовать, и реакция ей льстила. Теперь она уловила распределение ролей: Анна Аркадьевна – старая подруга, она, Валя – шаловливая ветреница. Так обрадовалась, что забыла познакомить со своим любовником.

– Анна Аркадьевна, – первой протянула руку, представилась Анна Аркадьевна.

– Баха.

– Баходур, верно? А ваше отчество, простите?

– Можно просто Баха. Султанович.

– Очень приятно, Баходур Султанович!

– Я тебе говорила, говорила! – веселилась Валя. – Она такая! Необыкновенная! Ах, как я ее обожаю!

Моложавость и красивость влюбленности, вероятно, требовали постоянной подпитки, допинга. Например, в виде радостного возбуждения. Счастья не бывает много, только горя бывает – не расхлебать.

Анна Аркадьевна и Баходур Султанович смотрели на радостно возбужденную Валю с улыбками родителей, чадо которых получило заветный подарок.

Нет, все-таки лишь у Анны Аркадьевны удовольствие чистое, бескорыстное, забытое и любимое. Султанович улыбался как собственник, купивший «мерседес» последней марки или слона в личный зоопарк.

Типичный этот Баходур. Почему-то из восточных принцев, кавказских или среднеазиатских, в молодости стройных красавцев, витязей, коль достигнут они к сорока годам известного статуса, богатства, получаются вот такие пузаны. Лысоватые, раскормленные, с выкатившимися животами, с чванливо значимыми выражениями на лицах. Вероятно, даже определенно, есть и другие фигуры, должны быть, но они Анне Аркадьевне не встречались. Хотя ведь помнит по телевизионным передачам тонкострунного Бюль-Бюль-оглы и златоголосого Магомаева.

Их с Ильей последних лет опыт общения с азербайджанцами и армянами плачевен. Азербайджанцам нельзя сказать доброго слова про армян, армянам про азербайджанцев. Слетают культурные наслоения, вылупляется (у людей умных, образованных, воспитанных) какая-то дикая, сорняковая, безудержная ненависть. Карабах и еще триста тысяч примеров подлости с каждой стороны.

Но нельзя было не пригласить на 55-летний юбилей Ильи Ильича Колю Вартаняна и Рашида Гейдарова. Друзья молодости, вместе служили, ни о какой вражде тогда и речи не шло. Нельзя много пить!

Когда они схлестнулись (два восточных человека, знающих, что праздник портить нельзя!), Илья Ильич вдруг, перебивая, заголосил:

Благодарю тебя
За песенность города
И откровенного и тайного.
Благодарю тебя,
Что всем было холодно,
А ты оттаяла, оттаяла…

У него не было ни слуха, ни вокальных данных, только очень громкий голос.

– Музыка Арно Бабаджаняна, исполнял Муслим Магомаев, – сообщил Илья.

Анне Аркадьевне ничего не оставалось, как подхватить порыв мужа:

– Давайте просто признаем, что нам повезло жить в советский период, когда была какая-никакая дружба народов, общая культура, смешанные браки. Пусть подспудно тлела вековая ненависть, но ей не давали вырваться наружу. Худой мир лучше доброй войны. Мы жили в мире, мы не знали ксенофобии, нам повезло. Предлагаю за это выпить!

Она не собиралась за обедом касаться скользких тем, надеялась, что Баходур Султанович не превратит трапезу в озвучивание саги о своих достижениях и о важных людях, с которыми он на короткой ноге. Получилось даже лучше. От яств ломился стол. Баходур обладал завидным аппетитом, жевал, не чавкая, вовремя вытирал жир с подбородка и помалкивал.

Валя блистала. Остроумно, в лицах, рассказывала о санаторском быте. Как насельники приходят в ресторан на завтрак, все съесть не могут, но *понадкусывают,* заполняют карточки меню на следующий день с таким усердием, словно составляют список вещей для зимовки в Антарктиде. Потом все идут на процедуры, у каждого в руках листочек – список процедур с указанием времени и кабинета. Графики составляют специально обученные девушки, как бы медсестры, но вместо шприцов и клистеров у них компьютеры. Несмотря на план действий народ постоянно путается, и эти девушки, наряженные в костюмы под медсестер из магазина «для взрослых», покачивая бедрами, расплываясь улыбками, отводят богатеньких буратин на нужный этаж в нужный кабинет. Далее обед, на который насельники приползают полудохлыми после лечения, но у некоторых все-таки находится гонор вытребовать диетсестру или старшую по кухне, чтобы доказывать, что он заказывал рассольник, а не куриную лапшу. Персонал улыбчивый и деликатный, относится к ним с хорошо отрепетированной ласковостью, как к умственно отсталым детям в интернате для состоятельных олигофренов.

После обеда святое время, тихий час, *помнишь, его еще называли мертвый час*. Все мертво дрыхнут. Потом желающие идут на полдник, на прогулки по персонально-санаторскому терренкуру, он тут фантастический. И главный выход – ужин. Все дамы разнаряженные, намакияженные, от смеси запахов дорогих духов не продохнуть, котлета по-киевски или мясо по-литовски не лезут в горло. Далее культурные программы. В фойе играет симфонический квартет, в актовом зале выступление известного эстрадного певца. Затем кино. Можно пойти на дискотеку – их несколько, молодежные и для тех, кому за сорок. Если хочется почесать нервы и интеллект – игра «Мафия». С Валей и Бахой за столом в ресторане сидели сестры – ветераны санаторного лечения. На ужин являлись все в парче и бархате, каждый день новый костюм, их супруги по линии силовых структур. Пыхтя духами, сетовали, что нынешние дискотеки не то, что танцы прежде. Старые пятидесятилетние перечницы!

«Наши ровесницы», – подумала Анна Аркадьевна. Настоящее красноречие не обходится без гипербол, преувеличения, и Валя, конечно, утрировала, доводила некоторые детали до абсурда.

Баха жевал, поглядывал на Валю с удовольствием хозяина зоопарка, что-то уточнял у официантов, давал распоряжения. Большой человек – он и в ресторане должен держать марку.

Спасибо, что не испортил трапезу, что Анна Аркадьевна не показалась ему персоной, достойной внимания и распускания хвоста.

После обеда Баха отправился на тихий час в номер. *У нас люкс, конечно,* – не забыла уточнить Валя. Они гуляли по санаторскому скверу. Валя обращала внимание на альпийские горки, заросли можжевельников, группки туй и голубых елей, еще каких-то непривычных хвойных растений с большими иголками:

– Версаль отдыхает. Представляешь, какая тут красота, когда цветники благоухают!

Она слегка выдохлась, говорила уже спокойнее, без возбуждения, рассказывала о Бахе, который душка-душка-душка, купил ей двухэтажную квартиру.

– Чем он занимается? – спросила Анна Аркадьевна.

– Да, как все они: чиновник плюс какой-то бизнес.

– Есть семья, дети?

– Уже взрослые.

– А как твои мальчишки?

– У них все нормально.

Вале не хотелось вспоминать о том, что находилось за границами ее нынешнего круга, в котором она счастливая влюбленная, а не мать в возрасте бабушки. Она не желала выпускать из этого круга и Анну Аркадьевну. Прежде подобное пленение у Вали отлично получалось. Анна Аркадьевна как муха погружалась в мед, в жидкий янтарь, источаемый Валей.

Но теперь то ли медоносность уменьшилась, то ли муха заматерела.

Анна Аркадьевна думала о том, что встреча с Валей не была ошибкой, хотя и напоминала какое-то обязательное упражнение, дань традиции, хорошему тону и самоуважению. И еще, почему-то, – чистку зубов. Никто не находит удовольствие в чистке зубов, но все любят свои белоснежные улыбки.

Если Валя и не прочла дословно мысли Анны Аркадьевны, то уловила смену ее настроения и поменяла тактику. Мастер манипуляций потому и мастер, что знает про кнут и пряник, про мытье и катанье. Надежнее всего – ошарашить человека, сказав ему о нем самом что-то беспроигрышно лестное, неожиданное, такое, о чем он и мечтать не мог, выставить оценку, которая ему и не снилась.

– Ты совсем не изменилась, Аня! По-прежнему вызываешь желание нравиться тебе, завоевывать твое расположение, прилипнуть к тебе, стоять на задних лапках, потявкивать, напрашиваться на ласку: «Погладь меня, дай кусочек лакомства! Не прогоняй меня, пожалуйста!» Рядом с тобой всегда хотелось быть лучше, карабкаться на ту нравственную вершину, где ты царствуешь, на Олимп. Понимаешь, что не возьмешь высоту, а все равно ползешь. Сил не хватает, берет отчаяние, падаешь вниз, больно ударяешься. Так больно, что хочется тебе отомстить.

«Хочет залить меня сиропом – подумала Анна Аркадьевна. – Это мы уже проходили. Ее патокой я объелась до отвращения к сладкому вообще».

– Валя, Валя! – попеняла Анна Аркадьевна. – Подобные речи отдают литературщиной, а применительно к нашим отношениям – нафталином. Было очень приятно повидаться тобой, но мне пора.

Анна Аркадьевна достала телефон, чтобы вызвать такси. Валя задержала ее руку.

– Пожалуйста! Побудь со мной еще несколько минут!

Хорошего ловца птиц первый неудачный заброс сети не остановит, он повторит попытку. Да только воробей-то стреляный.

– Ладно! – согласилась Анна Аркадьевна.

Но такси все-таки вызвала, чтобы через полчаса ждало ее у ворот санатория. Им до выхода идти не меньше двадцати минут.

– Я Бахе о тебе рассказывала, – говорила Валя по дороге. – Да и всем всегда о тебе рассказывала.

Медотечение продолжалось.

– Охотно верю. Покувыркалась с любовником в постели, а потом начинаешь вещать про неземные достоинства подруги Ани.

– Злючка! – Валя легко ударила ее по плечу. – Я, правда, рассказывала! Про службу на Севере. Про советских офицеров, которые в основном были деревенщиной, а жены их – пэтэушницами.

– Мы-то с тобой голубых кровей, белая кость.

– Мы были отдушиной друг для друга. Мы дружили, были счастливы нашей дружбой. Неужели ты будешь отрицать? Перечеркнешь нашу молодость?

– Что было, то было, да быльем поросло. Я иногда думаю, вот если бы была возможность переиграть заново, вычеркнуть какие-то эпизоды и по-другому их прожить.

– Я никогда бы не вычеркнула нашу дружбу.

– Я тоже, – со вздохом признала Анна Аркадьевна.

– Анечка!

– Давай без пафоса! Что ты актерствуешь передо мной? Я тебя знаю как облупленную. Тренируй свои чары на ком-то другом.

«Я ведь не хотела с ней ссориться, – мысленно чертыхнулась Анна Аркадьевна. – И заново сдруживаться не хотела. Тогда за каким лешим приехала?»

– Вот ты как, – понурилась Валя. – Жестоко. Когда бьют, всегда больно. Но бывает, что удар за ударом, ты тупеешь, привыкаешь к боли. И вдруг случается, негаданно, что жизнь переворачивается на солнечную сторону, ты счастлива, опьянела от радости, которую тебе подарила судьба, ты беззащитна как младенец. Нельзя бить младенцев.

– Третье действие пьесы? Теперь я злодейка, лупящая малых деток? Некоторые спектакли очень выиграли бы, ограничься драматург одноактным произведением.

Валя остановилась в ста метрах от выхода, закусила губу, откинула голову, как бы борясь со слезами, или без «как бы», по-настоящему.

– Извини, если разочаровала тебя! – сказала Анна Аркадьевна. – Передай своим мальчикам от меня привет! Прощай!

Она подходила к большим закрытым ажурно-чугунным воротам, за которыми стояли несколько автомобилей, один их них, наверное, ее такси, когда услышала за спиной Валины крики:

– Аня! Аня!

Анна Аркадьевна оглянулась. Валя бежала, раскинув руки, нелепо отбрасывая в стороны ноги, не боясь навернуться на высоких каблуках. Публика: охранники, люди, входившие на территорию через калитку, водители за воротами – как раз боялась, что эта плачущая женщина сейчас упадет и переломает ноги. Публика была подготовлена и вознаграждена наблюдением страстной сцены.

– Я люблю тебя! – бросилась на шею Анне Аркадьевне Валя. – Любила и буду любить всегда! Что бы ни случилось! До самой смерти!

Она разжала руки, уронила их обессиленно, шумно всхлипнула, повернулась и побрела обратно. Скорбная обиженная женщина, качающаяся от горя на котурнах.

Большая актриса никому не отдаст выигрышную финальную реплику. Последнее слово – за ветеранами сцены.

5

Десять лет назад по Валиной вине защита кандидатской диссертации Анны Аркадьевны отложилась на год. Нужно было отвезти статью научному руководителю. Человек старой формации, он не признавал компьютеров, дискет, только текст, отпечатанный на машинке. Звонок из больницы застал Анну Аркадьевну у выхода из квартиры: «Вашего сына привезли в хирургическое отделение с подозрением на аппендицит». Не сильно испугавшись, Лёня уже несколько дней говорил про легкие боли в животе, меньше бы зеленых яблок ел, Анна Аркадьевна, вся мыслями еще в рукописи, которую редактировала и перепечатывала всю ночь, испытала досаду. Статью нужно было передать именно сегодня. Она позвонила подруге Вале: «Выручай!» По протекции Анны Аркадьевны Валю взяли на крохотную должность в педагогический вестник в отдел писем. *Я твоя должница на всю жизнь* – радовалась Валя работе в столице. Не то, чтобы долг платежом красен, но если подруга, которой ты многим обязана, о чем-то просит, то подспудно подозревается, что это будет не простая услуга, а обремененная отдариванием. Валя с готовностью согласилась, подъехала к станции метро, взяла рукопись, заверила, что через два часа она будет у профессора.

Анна Аркадьевна отправилась в больницу… Это оказался очень плохой аппендицит, лопнувший. Лёне стало плохо на уроке физкультуры, когда дети прыгали в высоту. Едва успели довезти до клиники, перитонит. Две недели, очумев от страха, Анна Аркадьевна провела у постели сына. Не существовало ни диссертации, ни статьи, ни мужа, ни дочери, ни мира – только бесконечная молитва о сыне, который застыл на границе жизни и смерти. Когда опасность миновала, Лёню уже выписали из больницы, страх не отступал еще долго, держал Анну Андреевну в тисках, не подпускал хлопоты, заботы внешнего мира с его карьерными устремлениями и честолюбивыми замыслами. Какие все это мелочи и белиберда!

Много позже Анна Аркадьевна слышала от людей, стоявших на краю могилы, переживших рак или инфаркт сердца, что выздоровление похоже на второе рождение в том смысле, что происходит переоценка ценностей – золото тускнет, а обыденное, привычное, заурядное наполняется чудным светом. На смену абстрактному знанию, что в могилу не утащишь чины, звания, дачи, автомобили, ордена и хорошие связи, приходит абсолютное сознание, буквально физическое ощущение – НЕ УТАЩИШЬ! Уйдешь, как явился, голым и одиноким. Поэтому здесь и сейчас, каждый день и каждую минуту, нужно ценить и наслаждаться тем, что по-настоящему дорого, любить без условий, без хитростей, без политики. Наслаждаться каждым вдохом и выдохом. Если смысл жизни в наслаждении, то оно само очень просто.

– Что ж вы, голубушка! – пенял Анне Аркадьевне профессор, когда они встретились через полтора месяца. – Да, я знаю, у вас в семье были проблемы. Но неужели не нашлось доброго человека, который привез бы мне статью вовремя? А следующий сборник мы выпускаем только через год. Конечно, вы можете задепонировать статью, к защите допустят. Но обидно, голубушка! Отличная работа будет погребена в братской могиле. Может, стерпите? Подождете годочек? А пока мы с вами напишем методичку и опубликуем по линии служебной литературы. Вам засчитается, и вместо двух обязательных публикаций будет три! И все толковые!

– Подожду, – легко согласилась Анна Аркадьевна.

Два месяца назад подобная отсрочка привела бы ее в отчаяние.

Суетный мир уже начал вползать в ее сознание. Тебя могут посетить великие откровения, но жить-то предстоит в заданных условиях, с обычными людьми, без откровений. Или отправляйся в скит, в монастырь, в секту.

В скит Анна Аркадьевна не хотела и принялась убеждать профессора, что их методичка должна дойти до школьных учителей, а не осесть на пыльных полках Обл- и ГорОНО. Значит,

должен быть большой тираж и распоряжение министерства. И хорошо бы получить отзывы педагогов, чтобы они чувствовали себя вовлеченными, чтобы они писали и говорили про одаренных детей. Ведь учитель в провинциальной школе варится как мясо в бульоне. Варится и варится, пока вся вода не выкипит.

– Голубушка! – Профессор простецки почесал затылок. – Вы меня втягиваете в авантюру. Представляете, сколько кабинетов мне придется посетить и сколько пламенных речей оттарабанить?

– Но ведь ради будущего Отчизны будете стараться, а не о персональной даче для себя хлопотать.

– Дача у нас уже есть. Чтоб она сгорела! Тьфу-тьфу! Жена из-за этой дачи мне все мозги проела. Не башка, а червивое яблоко.

– Но семечки яблочка не пострадали?

– Ах, лукавая девица! – погрозил профессор пальцем. – Ладно. Попробуем.

– И хорошо бы разбавить научный стиль конкретными примерами. История ребенка, обязательно учитель, который заметил его одаренность, помог развиться…

– Тебе палец в рот не клади! Иди, иди, а то договоришься, у меня последние волосенки с черепа сползут.

Он впервые назвал ее на «ты» и в дальнейшем так обращался. Большая честь. Многие завидовали. Когда умер, она не сумела ни на кладбище, ни на поминках сказать красивой речи, хотя от нее, последовательницы, любимой ученицы, ждали.

– Он очень много не успел! – только и смогла выдавить.

«Добрый человек», на отсутствие которого пенял профессор, она же близкая и любимая подруга Валя, сидела на кухне Павловых и каялась. Не сумела в тот день отвезти статью, под дождь попала, рукопись намокла, испортилась. На следующий день искала машинистку, которая бы срочно перепечатала, за двойную цену, а денег не было, помчалась занимать… Словом, цепь ужасных, ужасных несчастий! Потом просто испугалась, затаилась. Она виновата, виновата, ужасно, непростительно виновата…

Анна Аркадьевна давно простила Валю. Женщины, чья философия материалистичнее, чем у Маркса, Энгельса и Ленина вместе взятых, порой не в силах избавиться от суеверного благодарения судьбы. Лёня остался жив. За это надо заплатить, что-то отдать, чем-то пожертвовать. Статья, отложенная диссертация – это малая, ничтожная плата. Как в сказке: не пожалей для нищего грязного бродяги краюшки хлеба и будет тебе счастье, потому что нищий на самом деле волшебник-проверяльщик.

– Пятнадцатого мая, когда наш сын попал в больницу, – проговорил Илья хрипло, – в Москве дождя не было.

Анна Аркадьевна посмотрела на мужа и обомлела. На его лице, бледном до зелени, была ярость невиданной прежде силы. Илья дышал мелко, ноздри покраснели и закаменели, глаза полуприкрылись веками, точно он не в силах смотреть на происходящее. Он сейчас убьет Валю! Схватит бутылку вина, которую она принесла для примирения, не открытую, не хватало еще чокаться с этой гадиной, и треснет Валю по голове…

Стараясь не шуметь, Анна Аркадьевна медленно встала, плавно протянула руку, взявшись за горлышко, убрала бутылку, спиной загородила вешалку для поварешек, лопаток, которые, конечно, не опасны, но висит молоток для мяса. С одного конца пузырчатый отбивальщик мяса, с другой – настоящий острый топорик. Сейчас Илья его схватит, треснет Валю по башке…

– Илья, успокойся, родной, – говорила она. Не понимала, что говорила, только знала, женским чутьем чуяла, что ему надо слышать ее голос. – Стоит ли? Мы перестрадали, пережили, мы вместе. Лёня здоров, а Любаня бесится, ей столько внимания не оказывали. Я услы-

шала, как она брату говорит: «Сломаю что-нибудь, например, ногу, они вокруг меня тоже станут бегать».

Только бы Валя не пикнула!

Анна Аркадьевна покосилась на нее. Хорошо сидит, испуганно. Вжалась в стенку, руками горло защищает. Боится, что Илья ее задушит? Таращится на руки Ильи, которые он положил на стол. Несколько раз широко раздвинул пальцы и собрал в кулак, в такт, шумно, вздыхал и выдыхал.

Анне Аркадьевне все-таки кажется, что он скорее проломит ей голову, чем задушит. Самое время анализировать способ убийства!

– Илюша! – продолжала она ласково, с бабьими подвываниями. – Подумай о нас! Как мы без тебя? Мы никто без тебя. Сколько на свете подлых тварей, всех не перерубишь. Они ведь как мыши, тоже жить хотят и творят свое мышиное злодейство…

Илья поднял глаза и посмотрел на Валю. В кино не редкость, а в жизни не часто увидишь мужчину, которому отчаянно хочется кого-то стукнуть топором по черепу, задушить, порубить на кусочки. На экране герой в ярости – просто эпизод, игра, кадр, за которым последует много других, в общем-то, предсказуемых. В жизни совсем не так. Остановившееся мгновение, замерший маятник. Ты чувствуешь внутреннюю борьбу мужчины, с которого слетел налет цивилизованности, слышишь его невысказанные грубые проклятия. Тебе страшно, ты не знаешь, что случится дальше, и тебе жутко интересно, чем все закончится. И ты даже испытываешь восхищение этим дикарем, способным на преступление ради защиты родной стаи.

Так и не проронив ни слова, Илья встал, протянул руку, взял Валину бутылку. Анна Аркадьевна, заскулив, бросилась защищать подругу, закрывать ее своим телом, не удержалась на ногах и плюхнулась Вале на колени.

– Не-ет! Не-ет! – блеяла Анна Аркадьевна.

И ей было уже совсем не интересно, чем все кончится, только бы скорее и благополучно кончилось.

Илья поднял бутылку и покачал ее, как кеглю, будто прицеливаясь.

– Мамочка, родненькая! Господи, спаси! – бормотала Валя за спиной Анны Аркадьевны.

Ей показалось, что в глазах Ильи мелькнуло хулиганское злорадство, которое бывает у мальчишек, которые пугают девчонок, а те верещат как резаные.

Илья с размаху бросил бутылку на кафельный пол. Женщины подавились ойком, им почудилось, что бутылка взорвалась как граната.

Илья направился к двери, распахнул ее ударом ноги.

В кухонной двери была стеклянная вставка. Ее, как только въехали, отдали детям для творчества. Дети тут же перессорились. Потом все-таки нашли компромисс. Подсказанное мамой диагональное решение: правый верхний, если смотреть с кухни, треугольник Лёнин, нижний левый – Любанин (она ведь была еще очень мала ростом). В итоге сверху у них господствовали черные и ультрамариновые тона, какая-то металлика, рожи, гитары, черепа. Внизу розовая благодать: принцессы в кринолинах, бабочки, цветочки, орнамент по контуру.

Со временем дети сами потешались над своими тогдашними пристрастиями и над гостями, которые впервые приходили в дом и пытались расшифровать смысл странного художества. Анна Аркадьевна предлагала смыть «мозаику». Дети пожимали плечами. Им было «фиолетово». Что в переводе на русский язык означало – «как пожелаете, нам безразлично». Илья противился: *пусть каждый день видят, как у них мозги перезагружаются.*

И вот теперь он захлопнул дверь с такой силой, что стеклянная вставка треснула и посыпалась на пол.

«Интеллигентные люди, – подумала Анна Аркадьевна. – Культурная порядочная семья. Господи! Пронесло!»

Валя завозилась, высвобождаясь. Она пришла в себя быстрее. Наверное, сказался опыт, ее первый муж был скор на расправу. Валя что-то говорила, суетилась, собирала осколки, резалась, то ли нечаянно, то ли нарочно.

Анна Аркадьевна, поморгав, помотав головой, наконец, сфокусировала взгляд на подруге: на красном месиве из вина, стекла и Валиной крови.

Потом пришлось промывать и обрабатывать Валины раны, бинтовать. Пострадав, пролив кровь, Валя словно понесла наказание. Совершила плохой поступок и расплатилась за него. Как Анна Аркадьевна расплатилась за жизнь сына. Разного масштаба события, конечно.

Валя, когда Анна Аркадьевна провожала ее до двери из квартиры, чувствовала себя реабилитированной, то есть имеющей полное право начинать с чистого листа.

– Ты меня назвала подлой тварью и мышью? – с упреком спросила Валя.

– Тебе послышалось. Я назвала тебя хрустально честной женщиной, настоящей подругой, на которую всегда можно положиться. Бывай здорова! – Анна Аркадьевна закрыла перед ее носом дверь.

Надо было идти успокаивать Илью. Как можно успокоить мужчину, которому не дали убить врага? Предоставить другого врага на расправу. Где Анна Аркадьевна его возьмет? И добрые, умные, сто раз ласковые разговоры-убеждения тут вряд ли помогут.

Она принялась собирать по дому подушки: диванные, с детских постелей, с антресолей – запасные, для ночующих гостей. Приносила и складировала на кровать в спальне, где Илья лежал в позе покойника.

– Что ты делаешь? – не выдержал и спросил он, когда жена принялась строить из подушек пирамиду.

– Антистрессовый тренажер. Я читала: у западных психоаналитиков есть такие куклы, вроде боксерских груш. Приходит пациент, весь на взводе. Кто вас раздражает? Мистер Смит, ваш начальник? Представьте себе, что эта груша и есть мистер Смит. Вмажьте ему хорошенько. Теща вам кровь пьет? Вот же она! Забудьте, что вы мужчина, а она пожилая женщина, по мордасям ей, по мордасям! Они и колотят, сто долларов за десять минут. У тебя, конечно, таких денег нет. Но и Валя столько не стоит.

– Иди сюда! – рассмеявшись, поманил ее пальцем муж.

– Зачем? А! Тоже метод, – Анна Аркадьевна стала расстегивать пуговицы на блузке, – не научный, естественно.

Анна Аркадьевна никогда не загибала пальцы, подсчитывая, сколько подлостей, мелких и крупных, ей досталось от Вали. Каждое зловредство можно объяснить простой человеческой слабостью: забыла, не подумала, ляпнула сгоряча. В переводе на реалии стародавней крестьянской жизни, Валя, поди, не увела со двора корову и не отравила колодец. Кроме того, прощать кающуюся грешницу приятно, а дружба такой же добровольный плен, как и любовь. Если тебе нравится в плену, закрываешь глаза на любые козни тюремщика.

Илья говорил про Валю: «У этой кокотки для каждого припасен камень за пазухой». Выйдя из тюрьмы Валиного очарования, Анна Аркадьевна время от времени предавалась тому, что мысленно ворошила груду камней, вываленных подругой ей под ноги. Среди булыжников разной величины был один камешек, пустяшный и серенький, не приметный и скромный, для Анны Аркадьевны драгоценный. Видеть его на свалке было больно, и простить Вале то, что он на свалке, невозможно.

6

Они часто говорили о превратностях любви. Превратности были у Вали, а у Анна Аркадьевны муж Илья, безупречный как статуя командора. Анна Аркадьевна даже с Валей в задушевных беседах не могла обсуждать мужа. Это было какое-то внутреннее табу, нарушение которого означало предательство. Единственное исключение, когда в молодости поделилась с Валей своими «открытиями» – Илья примитивен и состоит как детская пирамида из кубиков. Анна Аркадьевна тогда была глупа, незрела и сама-то состояла из бродильных компонентов. Спасибо, что, вызрев, они не превратились в сивуху.

И все-таки она завидовала подруге. Не смене партнеров, а богатству и разнообразию игры чувств. Из зависти, вероятно, и рассказала Вале о давнем-давнем случае.

Нужно было возвращаться с каникул в Москву, а билетов не достать. Родителям удалось договориться, что Анне забронируют билет на самолет в соседнем областном городе. Ее пристроили в экскурсионный автобус, отправляющийся в ночь. Работники горно-обогатительного комбината, нарядные, праздничные, веселые, только автобус тронулся, крепко выпили, закусили, хором попели и завалились спать. Аня, как ни уговаривали, отказывалась от выпивки, малосольных огурчиков, яиц вкрутую, картошечки с укропчиком, котлет и жареной курицы. Чтобы не обижать людей, полакомилась домашними пирожками. Экскурсовод, дядечка с лицом спившегося школьного учителя, напротив, активно включился в пикник на колесах и быстро наклюкался. Его уложили на заднее сиденье, напоминавшее узкий диван, Ане в начале пути принадлежавшее. Ей пришлось переместиться в кресло экскурсовода рядом с водителем.

Водителя звали Игорь. Он постоянно курил, нервничал. Объяснил: жена должна сегодня-завтра родить, а его в этот рейс на подмену запихнули.

Ехать предстояло триста пятьдесят километров, через редкие, скудно освещенные населенные пункты, большей частью – по темной дороге, в которой фары «Икаруса» пробивали короткий туннель света. Стенами туннеля был дремучий лес. Ане вдруг представилось, что они на космическом корабле, в рубке с большим обзором (у «Икаруса» окна во всю кабину), летят в космосе. Основной экипаж и пассажиры спят, а они за штурвалом, на вахте. То есть Игорь за штурвалом, и если в него попадет астероид, то Аня не сможет перехватить управление. Потому что она на этом корабле – заяц, блатной аферист с поддельными документами.

Она рассказывала все это Игорю, потому что ее захватила романтика ночного движения и потому, что хотелось отвлечь его от горестных мыслей.

– Необходимо продумать план действий на случай астероидного дождя или атаки злых инопланетян, – говорила Аня. – Скажем, вы ранены. Но не смертельно! В последнюю секунду, прежде чем сползти на пол… Там достаточно места? Вы мне командуете: «Дергай!» В космическом корабле, он же наш «Икарус», есть штука вроде «стоп-крана» в поезде? Ручной тормоз – вот! – я вспомнила, как называется. Покажите, где находится, я буду постоянно держать на нем руки.

– Если вы за него дернете во время движения, то мы будем долго кувыркаться по обочине, – рассмеялся Игорь.

– Какой ужас! Что произойдет с горнообогатителями? Они уже ничего не смогут обогащать!

– Это точно! Вам мешает дым? Много курю? Открыть окно пошире?

– Если вас не продует. Экипаж обязан беречь капитана.

Им было легко и весело говорить, точно давним знакомым. Нет, случайно встретившимися людьми, которые вдруг обнаружили, что обладают приемо-передающими устройствами

одной уникальной, больше нигде не встречающейся модели. Не заметили, как перешли на «ты». Армейские байки Игоря, он два года назад вернулся из армии, студенческие истории Ани, рассказы про чванливых москвичей. Но среди них есть, конечно, есть! Потрясающие ребята! Игорь больше не вспоминал про жену, а у Ани через слово не мелькал Илья. Она, собственно, все рассказала. Илья служит на Севере, он уже познакомился с ее родителями, они поженятся, когда она институт окончит, через год. Она не видела его мамы и страшно ее боится. Потому что Илья очень любит маму! Как везет тем, кто выходит замуж за сирот!

Игорь часто поворачивал голову, пытаясь рассмотреть ее. Аня сидела в тени и ему приходилось довольствоваться только силуэтом. Ее позиция была выгоднее, хотя в свете приборной доски лучше всего были видны только руки. Большие сильные мужские руки на громадном, размером с обод бочки, руле-баранке. Когда тебя везут такие руки, то уже не важно, куда везут. Так можно ехать вечно.

– Ты не голоден? – спросила Аня, чтобы отвлечься от странных мыслей.

– Как волк. Поужинать не успел.

– У пассажиров прорва еды. Пойду пошарю по салону, то есть по отсекам корабля. Пирожки с картошкой и зеленым луком – просто мечта.

– Народу вот-вот потребуется санитарная остановка.

Точно подслушав Игоря, пассажиры зашевелились. Экскурсовод, падая в проходе из стороны в сторону на спящих и пробуждающихся, извиняясь и что-то бормоча, пробрался к ним.

– Камдир! – икнул экскурсовод. – Трмзи! Девчки направ, малчки налев. Или наброт.

– Как скажешь, начальник. Но через пару километров будет освещенный участок.

– Не выдржат! Уже былво. Блыволо. Бы-ва-ло. Трмзи!

Игорь плавно затормозил, остановил автобус, открыл двери, нетрезвые горнообогатители потянулись наружу. Игорь и Аня тоже вышли, прогулялись. Когда автобус тронулся, самые стойкие экскурсанты под тост: «Терять градус нельзя!» – еще выпили. Аня у них попросила еды для Игоря.

Он жевал и вел автобус, Аня канючила:

– Дай порулить хоть одной рукой!

– Зайцам не положено.

– Нас, ушастых, можно научить симфонию Моцарта на барабане отстукивать!

– Сравнила Моцарта с «Икарусом».

К ним подошла женщина:

– Простите, но технолога Конякина нет! Он недавно развелся.

– И что? – не понял Игорь. – Повесился?

– Нет, если бы он ехал с женой, она бы заметила его отсутствие. Виктор Семенович Конякин – замечательный человек.

– Вы думаете, мы его забыли на стоянке? – догадалась Аня.

– Не исключаю такой возможности.

– Черт! – выругался Игорь. Остановил автобус и включил освещение в салоне.

Ни остановка, ни свет не пробудили пассажиров. Они живописно дрыхли: склонившись к окну или прикорнув на плече соседа, широко раскрыв рот или клюкнув головой в колени – точно отравленные газом.

Аня прошла в конец салона и принялась расталкивать экскурсовода.

– Сколько у вас было людей? Очнитесь! У вас есть список?

Добилась только того, что сон экскурсовода получил какое-то новое направление. Вероятно, он с кем-то ссорился. Не открывая глаз, кривился презрительно:

– Тупая баба! Отстань! На свои пью! – И перевернулся на другой бок.

В динамиках послышался шум, потом голос Игоря:

– Народ! Просыпайтесь!

На передней панели есть микрофон для экскурсовода, вспомнила Аня. Призывы Игоря пробудили только несколько женщин, мотавших головами, ничего не соображающих. «Глубок и крепок алкогольный сон, – подумала Аня. – В Троянского коня не обязательно набивать солдат. Можно просто замаскировать под него цистерну со спиртом». Игорь что-то подкрутил, и динамики отозвались громким противным писком. У Ани чуть не лопнули перепонки, зато пассажиры очухались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.